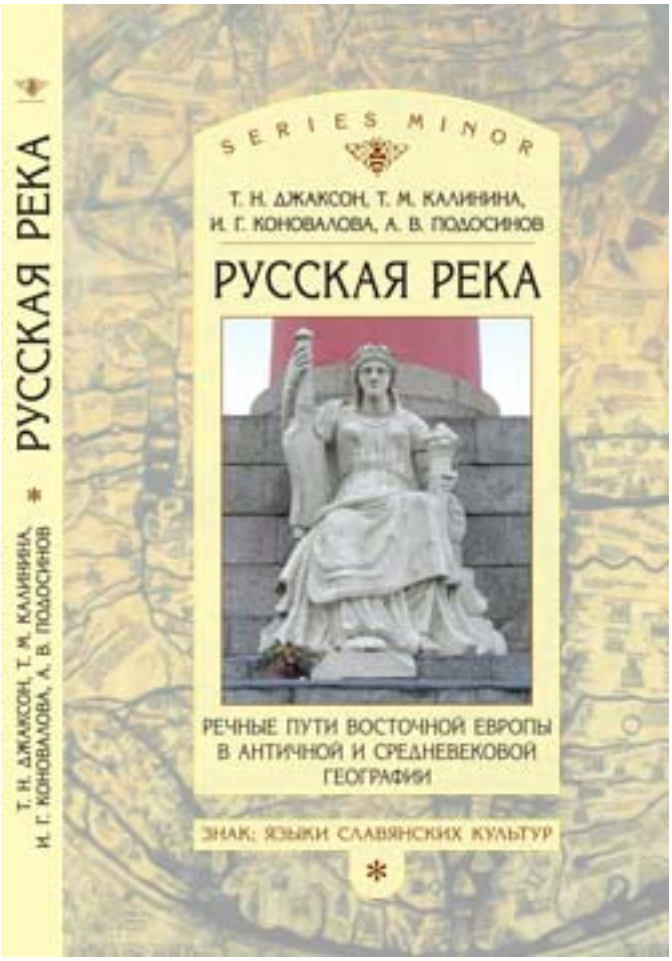
SERIES MINOR
Т. Н. ДЖАКСОН, Т. М. КАЛИНИНА,
И. Г. КОНОВАЛОВА, А. В. ПОДОСИНОВ
РУССКАЯ РЕКА
РЕЧНЫЕ ПУТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ГЕОГРАФИИ
ЗНАК: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
РУССКАЯ РЕКА
Т. Н. ДЖАКСОН, Т. М. КАЛИНИНА,
И. Г. КОНОВАЛОВА, А. В. ПОДОСИНОВ

Татьяна Калинина
Татьяна Джаксон
Александр Васильевич Подосинов
Ирина Коновалова

«Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180740
«РУССКАЯ РЕКА» Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии: Языки славянских культур: Знак; Москва; 2007
ISBN 5–9551–0209–4

Аннотация

Монография представляет собой серию очерков, в которых обобщены результаты многолетней работы авторов по изучению речных путей Восточной Европы на основе античных, арабо-персидских и скандинавских нарративных источников, а также традиции изображения восточноевропейских рек в античной и средневековой картографии. В книге исследуются представления античных и средневековых авторов о гидрографии Восточной Европы и рассматривается роль речных путей региона в системе международных связей в различные исторические периоды. Первая глава, написанная А.В.Подосиновым, посвящена рекам Северного Причерноморья в античной и западноевропейской средневековой геокартографии. Вторая глава, подготовленная совместно Т.М.Калининой и И.Г.Коноваловой, включает в себя исследование рек Восточной Европы по данным арабо-персидской географической литературы. В третьей главе, написанной Т.Н.Джаксон, рассматривается гидрография Восточной Европы в свете древнескандинавских источников.

Для специалистов в области отечественной и всеобщей истории, истории географии и картографии, топонимики.

От редакции электронной версии:

Внимание! Текст содержит фразы и слова более чем на 25 языках. Будьте уверены, что программа или устройство, которым вы пользуетесь для чтения этой книги, правильно отображает все символы Unicode. Рекомендуемый шрифт – Arial Unicode MS.

Содержание

Предисловие 4
Глава I 6
ОЧЕРК I 6
ОЧЕРК 2 14
ОЧЕРК 3 27
ОЧЕРК 4 32
Глава II 45
Часть I 45
ОЧЕРК 1 45
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В «РУССКАЯ РЕКА» РЕЧНЫЕ ПУТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕОГРАФИИ

Предисловие

Речная сеть нашей равнины – одна из выдающихся географических ее особенностей. За четыре с половиной века до нашей эры она бросилась в глаза и наблюдательному Геродоту; описывая Скифию, т. е. южную Россию, он замечает, что в этой стране нет ничего необыкновенного, кроме рек, ее орошающих: они многочисленны и величественны. И никакая другая особенность нашей страны не оказала такого разностороннего, глубокого и вместе столь заметного действия на жизнь нашего народа, как эта речная сеть Европейской России.
В. О. Ключевский

Особая роль речных путей для восточноевропейского региона, которая отмечалось уже античными авторами, совершенно очевидна. Среднерусская возвышенность была узлом четырех основных водных систем: Волжской, Днепровской, Западнодвинской и Волховско—Ильменской. Здесь лежали верховья рек. Отсюда пути вели на Каспий, в Черное море и на Балтику. Еще В. О. Ключевский заметил: «Нигде в Европе не встретим такой сложной системы рек со столь разносторонними разветвлениями и с такой взаимной близостью бассейнов: ветви разных бассейнов, магистрали которых текут иногда в противоположные стороны, так близко подходят друг к другу, что бассейны как бы переплетаются между собою, образуя чрезвычайно узорчатую речную сеть, наброшенную на равнину. Эта особенность при нешироких и пологих водоразделах, *волоках,* облегчала канализацию страны, как в более древние времена облегчала судоходам переволакивание небольших речных судов из одного бассейна в другой» (Т. 1. С. 76).

В современной отечественной и международной историографии речные пути Восточной Европы рассматриваются либо монографически (Великий Волжский путь, путь «из варяг в греки»), либо в рамках истории отдельных сфер человеческой деятельности – таких как торговля или транспорт, либо в источниковедческом плане применительно к изучению того или иного письменного памятника.

В настоящей работе речные пути Восточной Европы анализируются не столько в традиционном плане (т. е. как транспортные коммуникации и торговые пути), но в более широком смысле – как важнейшие пути некоммерческого обмена между народами, способствовавшие взаимной передаче знаний и опыта в самых разных сферах жизни. Речные пути способствовали установлению разнообразных контактов между различными аборигенными этносами Восточной Европы, а также между ними и пользовавшимися этими транспортными артериями выходцами из Скандинавии, Балтики, Западной и Южной Европы, стран

Халифата. Соответственно, и информация об этих магистралях сохранилась в большом числе античных, византийских, восточных, западно– и североевропейских источников – как нарративных, так и картографических.

Рассмотрение речной номенклатуры Восточной Европы в античных, арабо—персидских и скандинавских описательных источниках, а также анализ традиции изображения восточноевропейских рек в античной и средневековой картографии позволили установить, что как в античном, так и в средневековом сознании, в рамках совершенно различных культурных традиций, существовал ряд, казалось бы, абстрактных гидрографических идей, тем не менее отталкивавшихся от реальной действительности, в первую очередь, осознание возможности сквозного плавания по рекам из северных областей Восточной Европы на юг, равно как и в обратном направлении – с юга на север.

При исследовании данных о речных путях Восточной Европы, содержащихся в наших источниках, мы руководствовались тем, что существует принципиальная разница между современными топонимами и географическими названиями средневекового писателя, у которого имя моря, реки, горы или страны может являться умозрительной авторской конструкцией, отражающей прежде всего его собственные представления о физической и этнополитической географии иноземного региона и потому не совпадающей с реальным объектом и не поддающейся непосредственному переносу на карту. Появление подобных топонимов связано, прежде всего, с неизбежной особенностью субъективного пространственного восприятия – с тем, что в сознании отдельных людей крупные природные объекты (моря, реки, горы) не имеют четких границ и не осознаются в качестве целостных гидрографических или орографических систем. Топонимы, не совпадавшие с реальными географическими объектами, служили основой для спекулятивных построений этногеографического и религиозно—мифологического характера, и – по мере географического освоения мира – перемещались в ментальном пространстве античных и средневековых авторов к краям ойкумены.

Обращение к широкому кругу разноязычных (греко—латинских, древнескандинавских, арабо—персидских, древнерусских) источников позволило исследовать как представления античных и средневековых авторов о гидрографии Восточной Европы, так и выяснить роль речных путей региона в системе международных связей Древней Руси в различные периоды ее истории.

Наша работа ни в коей мере не является только историко—географической. Для нас с самого начала было очевидно, что географические источники, подвергнутые традиционному историко—филологическому анализу, несут много важной для понимания исторических процессов информации – это касается вопросов локализации племен и народов, их миграций, историко—культурного районирования территорий, трансъевразийских торговых коммуникаций, внешнеполитических связей Древнерусского государства и проч. В связи с этим система речных путей Восточной Европы, выявленная в этом исследовании, служит как бы каркасом, на котором крепится совокупность полученных из античных, восточных и древнескандинавских источников сведений по истории этого региона.

Работа представляет собой серию очерков, объединенных в три главы. Первая глава, написанная А. В. Подосиновым, посвящена рекам Северного Причерноморья в античной и западноевропейской средневековой геокартографии. Вторая глава, подготовленная совместно Т. М. Калининой (часть I) и И. Г. Коноваловой (часть II), включает в себя исследование рек Восточной Европы по данным арабо—персидской географической литературы. В третьей главе, написанной Т. Н. Джаксон, рассматривается гидрография Восточной Европы в свете древнескандинавских источников.

Глава I
Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии (А. В. Подосинов)

ОЧЕРК I
Греки и римляне в Восточной Европе: освоение пространства

Эта страна [Скифия] не имеет ничего замечательного, за исключением рек величайших и многочисленных… Природа земли им [скифам] благоприятствует, и реки оказываются их союзниками. Ведь земля, представляющая собой равнину, богата травой и изобилует водой; рек же течет по ней не меньше по числу, чем каналов в Египте. Те из них, которые чем—нибудь примечательны и, начиная от моря, доступны для кораблей, я назову: Истр с пятью устьями, затем Тирас и Гипанис, и Борисфен, и Пантикап, и Гипакирис, и Герр, и Танаис.
Геродот, IV, 47; 82. (пер. Г. А. Стратановского)

Удивительно, как в изначально небольшой Греции с узким географическим кругозором вследствие некоей пытливой любознательности, проявлявшейся в перенимании знаний окружающих народов (египтян, ближневосточных, даже скифских), и в ходе колонизации отдаленных окраин, а также торговых, военных и политических контактов с народами периферии, со временем развилось грандиозное систематическое знание о географии и этнографии ойкумены. Это знание отразилось в трудах Геродота, Страбона, Плиния Старшего и Птолемея (если брать только сохранившиеся географические произведения греков и – вслед за ними – римлян).

Античная наука установила сферичность Земли, вычислила ее размеры, вычленила широтно—климатические зоны относительно видимого солнечного пути, нашла способ создать систему координат с помощью измеряемых градусами долгот и широт, чтобы разместить на карте всю известную сушу. Открытия, сделанные античными путешественниками и мореплавателями, позволили значительно расширить знания об обитаемой земле (ойкумене) от Балтийского моря до глубин Африки, от Ирландии до Индии и даже до Китая. Географическое исследование далеких территорий предшествовало их военно—политическому освоению, которое, в свою очередь, давало большой фактический материал для создания подробных географических описаний и даже карт (этот процесс хорошо прослеживается на примере завоеваний Александра Македонского). Клавдий Птолемей, чьи труды являются вершиной научной географии и картографии античности, в середине II в. н. э. располагал на своей карте мира более 8000 наименований, снабженных координатами, не считая нескольких сотен топонимов и этнонимов, не имеющих координат.

Особенностью античной географии был большой интерес к страноведческому аспекту. Этнография и география в большинстве античных географических произведений практически сплетались в один литературный жанр. Геродота, который после написания своей «Истории» именуется «отцом истории», вполне можно считать еще и «отцом географии», а также «отцом этнографии», поскольку и эти два аспекта составляли неотъемлемую часть его

труда. Именно этнографический (а также страноведческий, историко—политический) элемент античных географических описаний делает античную географию важным источником для исторических штудий, в частности, и для темы нашей книги.

Вместе с тем историко—географическая информация о периферии античного мира, извлекаемая исследователями из произведений античных авторов, имеет специфические черты, которые во многом затрудняют позитивистское, прямое использование источника, заставляют развивать различные методические приемы, позволяющие раскрыть истинное положение дел, или же, наоборот, отказаться от возможности увидеть в этой информации реальные факты.

Прежде всего сложность проистекает из естественного закона информационного поля, согласно которому объекты, расположенные дальше от центра сбора информации, известны слабее, чем расположенные ближе к нему. Периферию античного мира составляли иностранные по отношению к грекам и римлянам – и часто враждебные им – государства, народы и племена, имевшие свою культуру и свои языки; понятно, что получение информации о географическом и политическом положении этих регионов было часто затруднено. Путешественники и ученые, торговцы и колонисты, наемники и члены посольств – все те, кто мог побывать «за границей», становились источниками информации, собиравшейся в «центре». Двуязычие людей такого сорта делало возможным знакомство не только с устной информацией, идущей от «аборигенов», но и с местной историко—географической литературой, которая становилась известной грекам. Со временем и эллинизированные «варвары», в свою очередь, смогли писать труды на греческом языке, внося и свой вклад в общий фонд географических знаний.

Такой канал получения информации часто предполагал значительную ее деформацию, вызванную языковым барьером, разницей менталитета и проч. (вспомним полумифические данные о территории Скифии и скифской истории и религии в знаменитом «Скифском логосе» Геродота, полученные им в Ольвии как от местных греков, так и от самих скифов, в частности, от Тимна, приближенного скифского царя Ариапифа).

Удаленность и малоизвестность периферийных областей ойкумены порождала в качестве своего рода компенсации за отсутствие реальных сведений многочисленные спекулятивные построения космологического, географического, этнографического, религиозно—мифологического и бытового характера.[1] Отсюда проистекают известные нам по античной географической литературе дискуссии о том, как выглядят очертания материков (теории о круглой, прямоугольной или трапециевидной суше), окружена ли суша океаном со всех сторон или в каких—то направлениях уходит в неизвестную бесконечность (аргонавты – в древнейших версиях – могли из Черного моря перебраться по рекам Фасис или Танаис к океанским истокам Нила, чтобы по нему попасть снова в Средиземноморье); является ли Каспийское море заливом Океана или внутренним морем; откуда начинаются реки (из мирового Океана, с гор или из озер) и т. д. К следствиям малоизвестности периферии относится также природно—геометрический и этнографический параллелизм, который греки охотно усматривали во многих явлениях периферии ойкумены, например, в направлении течения рек – Нила и Дуная, или Нила и Танаиса, в особенностях нравов и образа жизни гиперборeев и эфиопов, живущих на противоположных краях ойкумены,[2] и т. д.

Представление о контрасте между своим, обжитым, цивилизованным миром и далекой, враждебной, потусторонней периферией побуждало человека античности относиться к отда-

---

[1] См.: *Romm J. S.* The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration, and Fiction. Princeton (NJ), 1992. P. 9: «Where empirical data give out they [ancient geographers. – *A. P.*] employ any other means available – theory, myth, and fantasy – to define and depict the space in which they dwell».

[2] Ср.: *Romm J. S.* The Edges of the Earth. P. 60: «In many ways the Hyperboreans can be seen as mirror—image counterparts to the Ethiopians, inhabiting the northern edge of the world rather than the southern».

ленным частям ойкумены как к лимитрофным зонам между земным и загробным мирами, мифологизировать отдаленные регионы, помещать там вход в царство мертвых или само это царство.

Если взять район Черного моря, через который античная цивилизация познакомилась с Восточной Европой, то уже вход в него воспринимался до освоения Черного моря колонистами как вход в потусторонний мир.[3] С таким представлением согласуется и помещение при входе в Черное море губительных мифических движущихся скал Планкты (или Симплегады, или Кианеи), знаменующих выход в Океан, и странык живущих на берегу Океана киммерийцев, где Одиссей нашел вход в Аид, и устрова Левки (= острова блаженных[4]), где Ахилл – владыка мертвых – жил после своей смерти под Троей, и Таврики (Крыма), где было место обитания принесенной в жертву Агамемноном Ифигении, получившей, как и Ахилл, бессмертие и превратившейся в Гекату – богиню смерти, тесно связанную с миром мертвых, и пещеры (и реки) Ахерон (в районе Гераклеи Понтийской), соединяющей этот мир с Аидом, из которого Геракл извлек стража подземного мира – трехголового пса Кербера. В причерноморском регионе древние греки помещали и такие «реалии», как Кавказскую скалу, к которой Зевс приковал Прометея, дракона, сторожившего золотое руно в сказочном заокеанском царстве Ээта, и многие другие чудеса.

Связь Черного моря с потусторонним миром объясняется в немалой степени тем, что плавание в Черное море в древности воспринималось греками как выход в Океан – традиционное местонахождение загробного мира, т. е. Черное море виделось как Океан.[5] Греческий географ рубежа эр Страбон свидетельствует:

> В гомеровскую эпоху Понтийское (т. е. Черное. – *А. П.*) море вообще представляли как бы вторым Океаном и думали, что плавающие в нем настолько же далеко вышли за пределы обитаемой земли, как и те, кто путешествует далеко за Геракловыми Столпами. Ведь Понтийское море считалось самым большим из всех морей в нашей части обитаемого мира, поэтому преимущественно ему давалось особое имя ‘Понт’, подобно тому, как Гомера называли просто ‘поэтом’. Может быть, по этой причине Гомер перенес на Океан события, разыгравшиеся на Понте,[6] предполагая, что такая перемена окажется по отношению к Понту легко приемлемой в силу господствующих представлений. (I, 2, 10; пер. Г. А. Стратановского).

Отсюда, вероятно, берет начало и прослеживаемое на протяжении всей античности представление о том, что Черное море соединяется с Северным Океаном (через реки Дон и/или Волгу), или же – по принципу удаления фантастического на более отдаленную периферию – что Меотида (Азовское море) является заливом Океана (подробнее об этом см. в Очерке 2).

«Мифологическое» восприятие этногеографических реалий Северного Причерноморья закончилось в период Великой греческой колонизации (VIII–VI вв. до н. э.), когда греки появились на северном берегу Понта Эвксинского (Черного моря) и основали здесь многочисленные города и поселения. Греческая колонизация черноморских побережий (а в ней активно участвовали ионийцы – жители греческой Малой Азии) принесла много реалисти-

---

[3] Ср.: *Vassileva M.* Greek Ideas of the North and East: Mastering the Black Sea Area // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology / Ed. G. R. Tsetskhladze. Stuttgart, 1998. P. 69–77 (Historia Einzelschriften 121).

[4] Острова блаженных, с которыми отождествлялся остров Левка, лежали, по традиционному мнению античных авторов, «за океаном», по ту его сторону – πέρην κλυτοῦ Ὠκεανοῖο (ср. *Hesiod.* Theog. 215, 274, 294).

[5] См. об этом подробнее: *Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005. С. 67—109.

[6] Имелись в виду плавание Одиссея в страну киммерийцев и локализация страны Ээта (позднее Колхида).

ческих сведений о новых территориях, которые и были зафиксированы ионийскими учеными VI–V вв. до н. э. Анаксимандром, Гекатеем Милетским, Геллаником Митиленским, Эвдоксом, Дамастом и, наконец, Геродотом, чей труд стал вершиной ионийской историко—географической мысли.

Тесные контакты черноморской периферии греческого мира с его центрами, активное участие ее в «большой политике» (напомню только о многолетнем снабжении Афин боспорским хлебом, о борьбе римлян с Митридатом Евпатором, закончившейся самоубийством Митридата в Керчи, о размещении римских войск в Крыму) постоянно обогащали античную литературу и, в частности, географию новыми и все расширяющимися данными, что создает для нас солидную источниковую базу. Тем не менее однажды зафиксированные в литературе фантастические детали и описания продолжали долго жить в литературе античности, благополучно перекочевав в Средневековье.

По мере освоения все новых территорий происходила постепенная демифологизация окраин, при этом нередко мифологические персонажи и реалии переносились все дальше к границам ойкумены. Так, амазонки из Малой Азии (где их локализовал Гомер) уже при Геродоте должны были «перебазироваться» в Северное Причерноморье, чтобы в римское время (например, у Помпония Мелы) оказаться почти у Северного океана, а в Средние века – на острове Амазанус в Балтийском море (как у арабского географа ал—Хорезми) или даже на севере Скандинавии (*Kwenland* исландских саг – «Страна женщин»). И наоборот, местности, раньше размещавшиеся где—то далеко на севере, на краю света, за Океаном, обретали вполне реалистическую географическую локализацию; так, цель аргонавтов – царство Ээта, располагавшееся в описаниях древнейших *Аргонавтик* на океанском берегу то ли на западе, то ли на севере, то ли на востоке ойкумены, было позже отождествлено с Колхидой в Восточном Причерноморье; подобную же судьбу испытали киммерийцы, изначально локализованные Гомером на далеком океанском берегу, а затем помещенные Геродотом на северном побережье Черного моря.

Говоря о географии Восточной Европы и, в частности, о ее гидрографии в представлениях античных авторов, следует иметь в виду, что она полна деталей, которые, мягко говоря, не отвечают действительности, что и понятно, так как знания о ней были довольно приблизительными и нечеткими.

Прежде всего следует сказать об общей конфигурации Восточной Европы, как она запечатлелась в античной географии.

По античным представлениям, с севера всю Евразию омывал Северный (Скифский, Кронийский, Ледовый) океан. Это обстоятельство делало возможным – конечно, лишь умозрительно – морское сообщение по Северному морскому пути, открытому в практике мореплавания лишь две тысячи лет спустя. В качестве доказательства возможности такого пути римский автор середины I в. н. э. Помпоний Мела рассказывает следующую историю:

> Долгое время точно не знали, что находится по ту сторону Каспийского залива – то ли океан, то ли скованная холодом земля без конца и края. По этому вопросу мы можем сослаться не только на физиков и Гомера, утверждавших, что вся суша окружена морем, но и на Корнелия Непота, писателя более позднего и потому заслуживающего большего доверия. Он приводит свидетельство Квинта Метелла Целера, который сообщает, что в бытность свою проконсулом в Галлии он получил в подарок от царя боотов каких—то жителей Индии. Спросив, как попали они в эти места, Метелл узнал, что буря отогнала их от берегов Индии, что они долго блуждали по морю и, наконец, высадились на германском берегу. Следовательно, за Каспийским морем находится не суша, а океан. (III, 44–45, пер. С. А. Апта).

Ту же историю с небольшими расхождениями позже пересказывает Плиний Старший (NH, II, 170).[7] Итак, для античного географа с севера Европа и Азия ограничиваются морем —океаном.

В античности не знали о полуостровном положении Скандинавии, в лучшем случае она была известна как остров Сканза или Скатинавия (уже у Помпония Мелы и Плиния, позже у Птолемея), лишь в Средние века распознанный как полуостров.[8] Считалось, что этот остров расположен против побережья Германии восточнее устья Эльбы (см., например: *Mela*, III, 54; *Plin*. NH, IV, 96). Таким образом, Балтийское море практически выступало для большей части Европы Северным океаном.

Еще одна «мнимая реальность» Восточной Европы – Каспийское море, представленное в наиболее распространенной античной традиции заливом Северного океана, с которым оно соединялось посредством узкого и длинного пролива (внутренним морем его считали только Геродот и Птолемей).

Все это приводило к тому, что общие контуры Евразии, какими они виделись античным географам и картографам, сильно отличались от реальных: размеры Северной Евразии в значительной степени скрадывались. Евразия оказывалась без Скандинавии, при этом Балтийское побережье как самое северное и продолжающееся на восток практически по той же широте отрезало всю Северо—Восточную Европу.[9] Восприятие Каспийского моря как залива океана приближало океан к каспийскому устью Волги, при этом отсекалась практически вся территория Сибири, Дальнего Востока, Китая и Юго—Восточной Азии, хотя и предполагалось, что Северный океан тянется до соединения с Восточным.

Таким образом, северный предел Евразии в представлении античных географов проходил – если наложить его на современную карту – с запада на восток по Балтийскому побережью, далее загибался к Северному Прикаспию, затем, пройдя через хорошо знакомые после походов Александра Великого среднеазиатские земли Бактрии и Хорезма, резко сворачивал к югу, ограничивая с востока Индию (см. илл. 1).[10] В рамках этих «мнимых» географических реальностей и должны были разыгрываться исторические события, локализоваться реки, горы, озера, размещаться народы и города, что приводило к многочисленным парадоксам и путанице в письменных источниках. В рамках этих представлений[11] и стала, в частности,

---

[7] См. толкования этого эпизода: *Thomson J. O.* History of Ancient Geography. Cambridge, 1948. P. 199; *Хенниг Р*. «Индийцы» в Германии и Галлии (62 г. до н. э.) // *Хенниг Р*. Неведомые земли. М., 1961. Т. I. С. 297–300; *Bengtson H.* Q. Caecilius Metellus Celer (cos 60) und die Inder // Historia III. 1954/1955. S. 229–236; *André J.* Des Indiens en Germanie? // Journal des Savants. 1982. P. 45–55; *Pomponius Mela*. Chorographie / Texte établi, traduit et annoté par A. Silberman. Paris, 1988. P. 278; *Tausend K.* Inder in Germanien // Orbis terrarum. 5. Stuttgart, 1999. S. 115–125; *Подосинов А. В.* Индийцы на Севере Европы? (Несколько замечаний к Mela, III, 45) // ВЕДС. 2005. Ч. I. С. 29–33; *Молчанов А. А.* Индийцы на севере Европы в 62 г. до н. э.: реконструкция маршрута путешествия при его сокращенном описании в источниках // ВЕДС. 2006. С. 135–138.

[8] Известно, что впервые название «Балтийское море» (*mare Balteum*) как наименование залива Северного океана встречается весьма поздно у Адама Бременского в 1070–х гг. (см.: *Назаренко А. В.* Западноевропейские источники // ДР. С. 275–276). Адам называет Скандинавию именем *Sconia* и считает ее полуостровом (Sconia et pars ultima Daniae, fere insula; undique enim cincta est mari, preter unum terrae brachium, quo ab oriente continens Sueoniam disterminat a Dania – IV, 7). О развитии представлений о Скандинавии начиная с античности см. подробнее: *Svennung J.* Scadinavia und Scandia: Lateinischnordische Namenstudien. Uppsala, 1963; *Lund A. A.* Die Erfindung Germaniens und die Entdeckung Skandinaviens in Antike und Mittelalter // Ultima Thule. Bilder des Nordens von der Antike bis zur Gegenwart / Ed. A. Engel—Braunschmidt u. a. Frankfurt am Main u. a., 2001. S. 29–45; *Чекин Л. С.* Первые карты Скандинавского полуострова // ДГ, 1999 г. М., 2001. С. 44–85.

[9] Только в этой перспективе могли эстии (*Aestii*) Балтийского побережья быть локализованы рядом с акацирами (хазарами), как это произошло у Иордана (см. Get. 36: ripam oceani item Aesti tenent…, quibus in austrum adsidet gens Acatzirorum fortissima…, ultra quos distenduntur supra mare Ponticum Bulgarum sedes…).

[10] Ср. *Plin*. NH, II, 167–168: «Во время правления божественного Августа обошли большую часть Северного океана… Также македонский флот совершил плавание из Индийского моря на восток, под той же самой звездой, по той части океана, которая расположена против Каспийского моря… 168. И вокруг Каспийского моря большая часть побережья была исследована, почти весь север обогнули с одной и с другой стороны» (пер. Н. М. Подземской).

[11] В античности скифы, которые мыслились живущими от Восточной Европы до Средней Азии, представлялись антич-

возможной вера в то, что индийцы могли «прибыть» в Западную Европу Северным морским путем.[12]

О том, каким географическим материалом следовало заполнять земную поверхность в случае недостатка сведений, не без иронии информирует нас греческий писатель Плутарх:

> …историки в описаниях земли помещают то, что им неизвестно, в самых отдаленных частях карт, делая при этом надписи такого рода: ‘а далее песчаные безводные пустыни, изобилующие дикими зверями’, или ‘непроходимое болото’, или ‘скифский холод’, или ‘ледовое море’ (Thes. 1, 1).

Слова Плутарха хорошо показывают характер работы античного историка, географа или картографа, когда тот сообщал об отдаленных и малоизвестных регионах ойкумены.[13]

Что же касается речной системы Восточной Европы, то греки и римляне, через античные города Северного Причерноморья достаточно хорошо знакомые с местными природными условиями, неплохо ориентировались в системе рек, впадающих в Черное и Азовское моря (заметим, что она не всегда совпадает с современной гидрографией).[14] Наряду с хорошо известными в античности Дунаем (Истр), Днестром (Тирас), Южным Бугом (Гипанис), Днепром (Борисфен), Доном (Танаис) и Кубанью (Гипанис, позже Куфис) античные авторы, в частности Геродот, называют еще несколько рек, которые не поддаются отождествлению с современными; таковы, например, реки Пантикап, Гипакирис, Герр, локализуемые Геродотом (IV, 54–56) между Борисфеном и Танаисом, а также реки Лик, Оар и Сиргис, текущие, по Геродоту (IV, 123), через земли меотов в Азовское море.

Волги в античности до Птолемея не знали, не в малой степени вследствие восприятия Каспийского моря как залива океана. Возможно, смутные сведения о ней сохранили название реки *Оар* (= *Ра* Птолемея) у Геродота и описание пролива, соединяющего океан с Каспием, как длинного, узкого и похожего на реку (см. об этом ниже в Очерке 3).

Если устья северочерноморских крупнейших рек были хорошо известны и довольно точно локализованы (а греки предпочитали основывать свои колонии именно в устьях больших рек), то в познаниях об истоках этих рек в античности не было ясности, поскольку из —за сложной этнополитической ситуации плавания по рекам далеко вглубь материка были затруднены. В античности были распространены две точки зрения на происхождение этих рек – «горная» (по Аристотелю, все реки Северного Причерноморья текут с северных Рипейских гор – Meteor., I, 13, 20) и «озерная» (по Геродоту, Тирас, Гипанис, Пантикап, Гипакирис,

---

ным авторам соседями индийцев, которых от скифов будто бы отделяет лишь горный хребет, разделяющий Азию на северную (скифскую) и южную (индийскую). Ср. *Diod*., II, 43: «Теперь перейдем к скифам, населяющим соседнюю [с индийцами] страну». См. также замечание Иоанна Цеца: «Колхи – это индийские скифы» (Comm. ad Cassandram Lycophronis, 174). Ср. также *Plutarch*. Marius, XI: «Некоторые говорят, что Кельтика вследствие ширины и величины страны от внешнего моря и северных широт поворачивает к востоку у Меотиды и соприкасается с Понтийской Скифией…». Если Кельтика, под которой понималась вся Западная Европа, соседила со Скифией, а та, в свою очередь, соседила с Индией, то добраться из Индии до Кельтики представлялось вполне реальным делом. Тот же Плутарх сообщает о планах Цезаря следующее (Caesar, LVIII): «…Цезарь готовился и намеревался идти походом на парфян, а покорив их и через Гирканию вдоль Каспийского моря и по Кавказу обойдя Понт, вторгнуться в Скифию, [затем], пройдя соседние с германцами страны и самую Германию, через землю кельтов возвратиться в Италию и, [таким образом,] связать этот круг господства, ограниченного отовсюду [окружающим землю] Океаном». Таким образом, Цезарь хотел прибыть в Западную Европу из земли парфян, двигаясь практически вдоль Северного океана.

[12] [12] По свидетельству Страбона, Патрокл, исследовавший в конце III в. до н. э. южное побережье Каспийского моря, считал возможным плавание из Индии через Северный океан в Каспийское море, хотя сам Страбон и считает это плавание маловероятным (см.: *Strabo*, XI, 11, 6).

[13] Ср. *Strabo*, VII, 3, 1: «Незнакомство с этими странами [на северо—востоке Европы. – *А. П.*] заставляет придавать значение тем, кто сочинил мифические «Рипейские горы» и «гиперборейцев»» (пер. Г. А. Стратановского).

[14] См. специальное исследование: *Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья. Историко—филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.

Танаис вытекают из озер – IV, 51–57). Практически ни та, ни другая не отвечают географической реальности, будучи вызваны к жизни априорными теориями о происхождении рек вообще. Так, например, Страбон, полемизируя со своими предшественниками, пишет (II, 4, 6):

Некоторые не заслуживающие внимания писатели говорили, что Танаис берет начало из мест, близких к Истру, и течет с запада, не сообразив при этом, что в промежутке текут в Понт большие реки Тира, Борисфен и Гипанис, из коих первая параллельна Истру, а прочие – Танаису; и если не открыты истоки ни Тиры, ни Борисфена, ни Гипаниса, то страны, лежащие севернее их, должны быть еще гораздо менее известны (пер. В. В. Латышева).

Особая роль выпала в античности Дону (Танаису), который очень рано стал восприниматься как граница между Европой и Азией, выступая в той же роли, что и Нил, разграничивавший Азию и Африку. Это представление о Танаисе перешло в средневековую географическую литературу как в Европе, так и – через Птолемея – в странах арабо—мусульманской цивилизации,[15] просуществовав до XVIII века, когда за границу между этими частями света был принят Уральский хребет.

Что касается рек Восточной Европы, впадающих в северные моря, то только в I в. до н. э. в римских источниках впервые упоминается Висла, и только Птолемей во II в. н. э. называет еще несколько рек, впадающих в Балтийское море. Тем не менее на протяжении всей античности существовало представление о возможности достичь из Черного моря Северного океана (= Балтийского моря) (см. Очерк 2).

В настоящей работе, которая носит очерковый характер, не ставится задача рассмотреть все аспекты гидрографии Восточной Европы в античности. Для этого потребуется отдельная монография. Чтобы продемонстрировать высокую степень знакомства античных авторов с реками Северного Причерноморья и в то же время сложность в определении их истоков и верхнего течения, приведу в заключение знаменитое описание Днепра (Борисфена), оставленное Геродотом (IV, 53):

> (1) Четвертая река – Борисфен – величайшая из рек после Истра и самая полноводная, по нашему мнению, не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила; ведь с ним невозможно сравнивать никакую другую реку. (2) Из остальных Борисфен самый полноводный; он представляет прекраснейшие изобильнейшие пастбища для домашнего скота. [В нем водится] множество превосходнейших рыб. Вода на вкус очень приятная; рядом с мутными потоками он течет чистый. Урожай на его берегах бывает превосходнейший, а там, где землю не засеивают, растет чрезвычайно густая трава. (3) У устья его сами собой отлагаются огромные запасы соли. [Здесь водятся] огромные бескостные рыбы, которых называют антакаями; их доставляют для засаливания. Есть и многое другое, также достойное удивления. (4) Протекая с севера, он известен до местности Герр, до которой сорок дней плавания, но никто не может сказать, по землям каких людей он течет выше. Ясно, что он течет через пустыню в страну скифов —земледельцев: ведь эти скифы обитают по его берегам на расстоянии десяти дней плавания. (5) Только у этой реки и у Нила я не могу указать источники и, полагаю, не может никто из эллинов. Там, где Борисфен течет

[15] См., что пишет, например, о границах Европы арабский автор ал—Баттани (ок. 858–929 гг.): «Описывают границы этой области (т. е. Европы. – *А. П.*): с запада и севера – Западное море, оно же Укийанус (т. е. греч. Океан. – *А. П.*); со стороны юга – море Мисра (т. е. Средиземное. – *А. П.*) и ар—Рума (т. е. греч. Ромейское = Византийское. – *А. П.*); со стороны востока – Танаис и озеро Майутис (т. е. греч. Меотис = Азовское море. – *А. П.*). Эта земля представляется похожей на остров, и название ее – Урфи (т. е. греч. Европа. – *А. П.*)» (цит. по: *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 144–145).

недалеко от моря, с ним сливается Гипанис, впадая в одну и ту же заводь. (6) Находящаяся между этими реками клинообразная полоса земли называется мысом Гипполая; на нем воздвигнут храм Деметры. Напротив храма у Гипаниса обитают борисфениты (пер. Г. А. Стратановского).

ОЧЕРК 2
Античные и раннесредневековые представления о речных путях, соединяющих бассейны балтийского и Черного морей

В настоящем очерке я хотел бы проанализировать некоторые сведения античных и средневековых литературных и картографических источников о речных путях, которые, по мнению их авторов, соединяли между собой бассейны Черного и Балтийского морей.

Для начала приведу один интересный историографический казус. Итальянский историк XV в. Бьондо Флавио *(Blondus Flavins)* в своей «Римской истории» упомянул поход русов на Константинополь 860 г. в таких словах:

> …норманны… привели флот из трехсот шестидесяти кораблей к Константинополю и, разграбив и предав огню его пригороды, вернулись в Британнское море…

Полстолетия спустя венецианский историк Марк Сабеллик в своем произведении «Рапсодии исторических эннеад» высмеивает Бьондо Флавио за географическое невежество:

> Удивляюсь я Блонду в том месте, когда он касается норманского похода… каковая экспедиция, конечно же, должна была бы взбудоражить всю Европу, раз уж, объехав вокруг столь многих земель и отправившись через океан Галльский, Иберийский и Атлантический, а оттуда через внутренние моря, на глазах у всей Европы обогнув необъятные берега, достигла она Константинополя; так что подозреваю, что сей вообще мудрейший муж ошибся по неведению тех мест, полагая дело так, будто существовал водный путь *(quasi pervia sit navigatio)* из Британнского моря через Германское и Сарматское к Меотиде и Босфору, а затем оттуда в Понтийское море – о чем внушали некоторые греки, и среди них Орфей, с чьим мнением не согласны наиболее сведующие в географии…[16]

Итак, автор начала XVI в. отрицает существование водного пути «из варяг в греки» в Средние века, считая это выдумкой древних греков. Если в первом утверждении он явно не прав, то приписывание знакомства с этим путем грекам близко к истине.

Поэтому историю знания о водном пути из Черного моря в Балтийское следует начать с античности.

В предыдущем очерке уже говорилось, что при хорошем знании греками устьев рек, впадающих в Черное и Азовское моря, вплоть до Птолемея (а это середина II в. н. э.) мы практически ничего не слышим о реках Восточной Европы, впадающих в Балтийское море, что и понятно – по суше так далеко на север не заходили греки и римляне Северного Причерноморья, да и по морю никто не достигал берегов Восточной Балтики. Греческий ученый Страбон, весьма информированный и искушенный в географии, писал в начале I в. н. э. о Северной Европе:

> Из германцев, как я сказал, северные живут вдоль океана. Известны они начиная от устьев Рейна до Альбиса (Эльбы. – *А. П.);* […Страны же]

[16] *Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ, 2000 г. М., 2003. С. 152–154.

> за Альбисом у океана совершенно нам неведомы. Мы не знаем никого, кто бы ранее совершил плавание [вдоль] этих берегов к восточным странам, [простирающимся] до устья Каспийского моря, [а также] и римляне еще не заходили по ту сторону Альбиса; равным образом и сухим путем никто [туда] не путешествовал (VII, 2, 4; пер. В. В. Латышева).

Отметим в этом описании еще раз, что Балтийское море воспринималось как Северный океан, простирающийся от берегов Германии до устья Каспия. Живший позже Страбона Плиний Старший так описывает вход в Балтику и Скандинавский полуостров:

> Во время правления божественного Августа обошли большую часть Северного океана; тогда флот, обогнув Германию, достиг Кимврского мыса (м. Скаген. – *А. П.),* и оттуда увидели или услышали о скифской стране и чрезмерно влажных и обледеневших пространствах… [До Кимврского мыса] простирается огромный залив под названием Кодан, наполненный островами, из которых наиболее знаменита Скатинавия, неведомая по величине (NH. II, 167 и IV, 96; пер. Н. М. Подземской и М. В. Скржинской).

Первое упоминание восточноевропейской реки, впадающей в Балтийское море, встречается в «Хорографии» Марка Випсания Агриппы (ум. в 12 г. до н. э.) и, возможно, на его карте мира. Об этом свидетельствует прямая цитата из Агриппы, приведенная Плинием Старшим, в которой называется река Висла (Вистла).[17] Она ограничивает с запада территорию Дакии, как это сказано в позднеримском трактате «Разделение круга земель», описывающем карту Агриппы.[18] Название Вислы до Птолемея встречается только у авторов ярко выраженной Агрипповой традиции – Помпония Мелы (III, 33: *Vistula)* и Плиния (NH, IV, 81: *Vistla).*

Лишь со II в. н. э. появляются сведения и о других восточноевропейских реках, впадающих в Балтийское море.

Так, Птолемей в книге III, главе 5, описывая VIII карту Европы, задает северные и западные рубежи Европейской Сарматии:

> Европейская Сарматия ограничивается на севере Сарматским океаном по Венедскому заливу и частью неизвестной земли. Описание такое: за устьем реки Вистулы, которое [находится] под 45° долготы – 56° широты, следует
>
> устье реки Хрона под 50° – 56°
> устье реки Рудона[19] под 53° – 57°
> устье реки Турунта под 56°30′ – 58°30′
> устье реки Хесина[20] под 58°30′ – 59°30′.

Итак, восточнее Вислы Птолемей знает еще четыре реки в направлении с запада на восток от нее, впадающие в Балтийское море, – Хрон, Рудон, Турунт и Хесин. Эти имена встречаются после Птолемея только в IV в. н. э. у Маркиана Гераклейского (Periplus maris externi, II, 39 – все те же реки) и Аммиана Марцеллина (XXII, 8, 38: реки Хроний и Бисула

---

[17] См. *Plin.* NH, IV, 81: «Агриппа всю эту область от Истра до Океана определил в 2000 миль в длину и 404 миль в ширину от пустынь Сарматии до реки Вистлы *(Vistla)».*

[18] Divisio orbis terraram, 14: «Дакия ограничивается с востока пустынями Сарматии, с запада рекой Вистла, с севера океаном, с юга рекой Истр». Подробнее о карте Агриппы и ее поздних репликах см.: *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 35–76 и особенно 46, 55, 67, 75.

[19] Ρούδωνος рукописные варианты: #ούβωνος, Βούβωνος, #ουβούνου.

[20] Χεσίνου; варианты: Χεσήνου, Χεσύνου, Χερσίνου.

—Висула—Вистула—Висла),[21] причем очевидна зависимость этих авторов от Птолемея. Существует несколько традиций отождествления птолемеевых рек,[22] но эта проблема выходит за рамки данного очерка.

Другой автор II в. н. э. Дионисий Периэгет в своем «Описании ойкумены», рассказывая о Северном Причерноморье и его реках (298–320), пишет после упоминания Борисфена: «Там же воды Алдеска и Пантикапа шумят двумя потоками в Рипейских горах. У их устьях вблизи Замерзшего моря рождается мягко сияющий янтарь, подобный свету нарождающейся луны…».[23] Таким образом, река Пантикап и Алдеск (Ардеск), упоминаемые Геродотом (Пантикап), Гесиодом (Ардеск) и другими античными авторами, но не поддающиеся у них точной локализации в Северном Причерноморье, оказываются впадающими в Балтийское море. Гесиод упоминает реку Ардеск (#ρδησκος)[24] в своей «Теогонии» наряду с таким реками, как Нил, Меандр, Петр, Фасис, Ахелой, Каик, Скамандр и др. (Theog. 345). Некая река Алдеск (#λδησκος) названа также Евстафием в его комментарии к «Одиссее» Гомера (к XVIII, 70) и Судой (#λδ#σκος· #νομα ποταμο# – 1101).

Ничто в приведенных текстах не говорит о локализации Ардеска / Алдеска в Восточной Европе, но и другие географические привязки отсутствуют. Зато схолиаст Гесиода прямо говорит, что «Истр – [река в] Скифии, Фасис – у колхов… Ардеск – [в] Скифии»,[25] поэтому не исключено, что Дионисий Периэгет воспользовался в своем описании Алдеска весьма древней традицией, согласно которой крупные реки Скифии могли сообщаться с Северным океаном.

Несмотря на то, что до начала нашей эры не было почти никаких сведений о реках, впадающих в Балтийское море (за исключением Вислы на карте мира Марка Випсания Агриппы), в некоторых (в том числе и более ранних) античных источниках содержатся неясные сведения о возможности связи Черного моря с Балтикой (= Северным океаном) через восточноевропейские реки.

В ранней греческой традиции египетский Нил и скифский Танаис—Дон, как и колхидский Фасис,[26] разделявшие материки, мыслились вытекающими из Мирового океана, что определялось умозрительной космологической моделью, представляющей Землю окруженной океаном.[27] Кроме того, уже с Гомера полагали, что все реки ойкумены, как и моря, источники и колодцы были сыновьями Океана и имели в нем свои истоки.[28]

---

[21] Попытку сравнить названия этих рек с названиями, сохраненными другими античными авторами, предпринял уже К. Мюллер в своем издании Птолемея *(Mullerus C.* Claudii Ptolemaei Geographia. I, 1. Parisiis, 1883. P. 412–413).

[22] Прегель, Неман, Виндава, Западная Двина (см.: *Mьllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. П. Berlin, 1887. S. 25–26; *Кулаковский Ю.А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 252–253 (1–е изд. 1899 г.); см. также: *Plezia M.* Greckie i łacińskie żrodła do najstarszych dziejów Słowian. Poznań; Krakyw, 1952. T. 2. S. 38). Другая версия отождествляет Хрон с Неманом, Рудон – с Западной Двиной, Турунт – с Полотой, при этом Хесин не поддается отождествлению *(Булкин Вас. А.* Некоторые данные об исторической географии центральной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Материалы симпозиума, посвященного 1500–летию Киева. Минск, 1983. С. 5–8).

[23] Vv. 314–318. Перевод Е. В. Илюшечкиной в: ВДИ. 2006. № 1.С. 236–237.

[24] Вероятно, форма названия реки у Гесиода более закрепилась в традиции, так как и Авиен, и Присциан, переложившие на латинский язык сочинение Дионисия Периэгета, дают здесь вместо Дионисиева *Aldescos «*старую» форму *Ardescos (Avien.* 450) / *Ardiscus (Priscian.* 306).

[25] #στρος Σκυθίας, Φάσις Κόλχων, #ρδησκος Σκυθίας.

[26] Когда за границу между Европой и Азией принимался Фасис, то ему также приписывалась связь с Северным океаном (ср. Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 259: «Гесиод, Пиндар в 'Пифиониках' и Антимах в 'Лиде' говорят, что аргонавты по океану прибыли в Ливию и, перенеся (на плечах) Арго, очутились на Нашем море (δι# το# #κεανο# φασιν α#τούς ε#ς Λιβύην, κα# βαστάσαντας τ#ν # Αργ# ε#ς τ# #μέτερον πέλαγος (παρα)γενέσθαι» – Wendel 273–274), при этом чуть ниже (ad IV, 284) тот же схолиаст сообщает, что «Гесиод говорит, что они проплыли по Фасису (# Ησίοδος δ# δι# α#το#ς ε#σπεπλευκέναι λέγει)».

[27] Ср. о Ниле: *Herod.* II, 28: «половина воды [Нила от его истоков. – *А. П.]* направляется к Египту на север, а другая половина– к Эфиопии на юг»; о Фасисе: Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 259: «Гекатей Милетский [говорит,] что они (аргонавты) из Фасиса проплыли в Океан, затем оттуда в Нил, отсюда в Наше море (#Εκατα#ος δ# # Μιλήσιος [λέγει] έκ το# Φάσιδος διελθε#ν ε#ς τ#ν #κεανόν, ε#τα #κε#θεν ε#ς τ#ν Νε#λον, #θεν ε#ς τ#ν #μετέραν θάλασσαν)». Таким образом, можно

Отсюда берет начало смутное, но на протяжении всей античности прослеживаемое представление о том, что и Танаис может соединять Черное море и Северный океан.[29]

Так, Страбон (II, 4, 1) сообщает, что Пифей во время плавания на север «посетил всю береговую линию Европы от Гадир (т. е. Гибралтара. – *А. П.)* до Танаиса (πάσαν #πέλθοι τ#ν παρωκεαν#τιν τ#ς Ε#ρώπης #π# Γαδείρων ἕως Τανάιδος)», из чего современные исследователи делают вывод, что Танаис, под которым обычно понимали Дон, мог представляться впадающим также и в Балтийское море.[30] Конечно, это высказывание можно понять и абстрактно —географически – до Танаиса, т. е. до границы с Азией, которую тот олицетворял. Но есть возможность и буквального прочтения этого текста, поскольку многие авторы верили, что Нил и Танаис делают три материка настоящими островами, а это предполагает, что наши реки плывут от моря до моря.[31]

Тот же Страбон таким образом описывает земли между Танаисом и Волгой, которая у него обозначается как устье Каспийского моря (XI, 1,5):

> Из самых этих [северных стран] первыми [в Азии] представляются области по Танаису, который мы приняли границей Европы и Азии. Эти [области] представляют как бы вид полуострова: ибо с запада они ограничиваются рекою Танаисом и Меотидой до Боспора и берега Евксина, оканчивающегося Колхидой, с севера Океаном до устья Каспийского моря, а с востока этим самым морем до пределов Албании и Армении… (пер. В. В. Латышева).

Из текста ясно следует, что полуостровом эту территорию можно назвать, только если Танаис соединяется с Северным океаном.

К этой же традиции можно отнести высказывание Маркиана Гераклейского о том, что на севере «морское побережье Европы начинается от реки Танаис».[32]

Только Прокопий Кесарийский в середине V в. н. э. осознал противоречивость ситуации с Танаисом как границей между Европой и Азией, рассуждая таким образом (Bell. Goth. IV, 6):

> Так как в своем рассказе я дошел до этих мест (до Колхиды. – *А. П.),* мне показалось совершенно уместным рассказать о границах Азии и Европы, т. е. о том, о чем спорят друг с другом люди, занимающиеся этим вопросом.

было из бассейна Средиземного и Черного морей попадать в океан и наоборот. См. подробнее об этой идее: *Lesky A.* Thalatta: Der Weg der Griechen zum Meer. Wien, 1947. S. 58–87; Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. 4. München, 1975. Col. 267–270; *Romm J. S.* The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration, and Fiction. Princeton (NJ), 1992. P. 12–26.

[28] Ср. *Hom.* Il. XXI, 195–197:… седой Океан беспредельный,Тот, из которого всякий источник и всякое море,Реки, ключи и глубокие кладези все истекают(пер. Н. Гнедича).Ср. также *Hesiod.* Theog. 337: «От Океана ж с Тефией пошли быстротечные дети». Следует отметить, что река Ардеск упомянута Гесиодом как раз здесь, среди «детей» Океана и Тефии.

[29] Напомню также, что на ранних этапах знакомства с Черным морем греки считали его частью Океана (см. в Очерке 1). Первым представителем этой традиции можно считать уже Гомера, который поселил киммерийцев на берегу Океана; см. Od. XI, 12–19: «Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглою и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами – ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными» (пер. В. В. Латышева).

[30] См., например: *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 123–124.

[31] См., например: *Strabo,* I, 4, 7 о том, «что было много споров о материках и что одни ученые отделяют их реками – Нилом и Танаисом, считая материки островами…» (пер. Г. А. Стратановского). Ср. также сходные высказывания: *Ael. Aristid.* Aegypt. 2. 472 (Dindorf): κα# #στίν # κόλπος ο#τος # καθ# #μ#ς α#τη θάλαττα, # σχίζει δίχα τ#ν γ#ν προσλαβο#σα τ#ν Μαι#τιν λίμνην κα# τ#ν #π#ρ α#τ#ς ποταμ#ν Τάναιν, κα# ποιε# ν#σον τ# τμ#μα #κάτερον τ# κύκλ# θαλάττ#…; *Theopomp.* apud Aelian. Var. hist. 3. 18: τ#ν μ#ν Ε#ρώπην κα# τ#ν Ἀσίαν κα# τ#ν Λιβύην νήσους ε#ναι, #ς περιρρε#ν κύκλ# τ#ν #κεανόν…; см. по этому: *Berger H.* Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. Leipzig, 1903, 92–93.

[32] Periplus maris externi, I, 5: Τ#ς μ#ν Ε#ρώπης… # παράλιος χώρα τ#ν #ρχ#ν #χει #π# το# Τανάϊδος ποταμο#. Ср.: *Berger H.* Geschichte. S. 92–93.

> Некоторые из них говорят, что оба эти материка разделяет река Танаис… Река Танаис вытекает из так называемых Рипейских гор, которые находятся на территории Европы, как утверждают и те, кто еще в древности касались этих вопросов. Установлено, что от этих Рипейских гор океан находится очень далеко. Поэтому все местности, находящиеся позади этих гор и реки Танаис, необходимо должны быть причислены к европейским. С какого же места в этом случае Танаис начинает разделять оба эти материка, сказать нелегко.[33]

Много географических данных (в том числе весьма древних) о северо—востоке ойкумены сохранилось в описаниях похода аргонавтов в Черное море за золотым руном,[34] который с самого начала предполагал плавание по Океану.[35] Один из маршрутов возвратного плавания аргонавтов из Черного моря в Средиземное ведет через Танаис в Северный океан и затем вдоль северного и западного побережий Европы в Средиземноморье.[36] Диодор Сицилийский (IV, 56, 3) со ссылкой на некоторых историков и в том числе на Тимея из Тавромения (вторая половина IV в. до н. э.) описывает путь аргонавтов через Танаис, волок и большую реку, выводящую в Северный океан[37] (Волга—Ра?). Близкую традицию обнаруживает Скимн Хиосский (см. Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 284: «Скимн говорит, что они (т. е. аргонавты – *А. П.)* рекой Танаисом проплыли в Великое море (т. е. в Северный океан. – *А. П.),* а оттуда прибыли в Наше море (т. е. в Средиземное. —*А.* Я.)»).[38] В орфической «Аргонавтике» (vv. 1035–1245) возвратный путь аргонавтов идет через Меотиду (Азовское море), Танаис, ущелье в Рипейских горах (v. 1079 – Ριπαίους α#λ#νας*),* к побережью Северного океана (v. 1102: Τηθύος #σχατον #δωρ – «последняя вода Тефии»), затем по океану мимо Иерны до Гадитанского пролива (см. илл. 2). При этом путь по Танаису от Меотиды до океана занял

---

[33] См. подробнее: *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 283–285.

[34] См. общие работы по этой теме: *Meuli K.* Odysseia und Argonautika. Berlin, 1921; *Bacon I. R.* The voyage of the Argonautes. Methuen, 1925; *Delage E.* La géographie dans les Argonautiques d'Apollonios de Rhodos. Bordeaux; Paris, 1930; *Roux R.* Le problème des Argonautes. Paris, 1949; *Vojatzi V.* Frühe Argonautenbilder. Würzburg, 1982 (Beiträge zur Archäologie, 14).

[35] То, что аргонавты плыли к океану или по океану, знали уже Пиндар (Pyth. IV, 251) и Мимнерм (Frg. 11 West, Allen), т. е. страна Ээта (Эя) воспринималась как находящаяся на берегу Океана; см. подробнее: *Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005. С. 82–85. Иванчик считает, что «исчезновение отождествления Океана с Черным морем наряду с локализацией Эи на кавказском побережье этого моря (во второй половине VIII в. до н. э. – *А. П.)* не оставляло больше места для подобного плавания» и потому «было создано рационалистическое объяснение, согласно которому аргонавты вышли в Океан на обратном пути из Черного моря через реки (Истр, Фасис, Танаис и др.)…» (Там же. С. 84).

[36] О других версиях возвратного плавания аргонавтов см. подробнее: *Delage E.* La géographie. P. 51–73; *Radermacher L.* Mythos und Sage bei den Griechen. 2. Aufl. Brün; München; Wien, 1938. S. 220–223; *Wehrli F.* Die Rückfahrt der Argonauten // Museum Helveticum. 12. 1955. S. 154 ff.

[37] «Некоторые из старых и более поздних историков, среди которых и Тимей, говорят, что аргонавты после похищения руна, узнав, что устье Понта закрыто кораблями Ээта, совершили необыкновенное дело, достойное упоминания. Говорят, что они проплыли вверх по Танаису до его истоков (#ναπλεύσαντας… δι# το# Τανάιδος ποταμο# #π# τ#ς π#γάς), в определенном месте они протащили корабль волоком (διελκύσαντας) и, проплыв по другой реке, впадающей в океан, спустились к морю (καταπλε#σαι πρ#ς τ#ν θάλασσαν); далее они двигались с севера на запад, имея сушу слева, и, оказавшись поблизости от Гадир, вошли в Наше море». См. об этом тексте подробнее: *Ельнщкий Л.А.* Знания. С. 7—27; ср. там же, с. 20 о тимеевском пути: «На начертание подобного маршрута могли повлиять какие—либо сведения о возможности сообщения по европейским рекам между Черным и Балтийским морями, которое и было принято Тимеем за Северный океан».

[38] #Ο μ#ν γ#ρ Σκύμνος α#το#ς δι# Τανάιδος πεπλευκέναι #π# τ#ν μεγάλην θάλασσαν, #κεθεν δ# ε#ς τ#ν #μετέραν θάλασσαν #ληλυθέναι. Далее в тексте схолиаста стоит: «Пристав к материку, аргонавты на копьях перенесли Арго, пока не добрались до моря». Л. А. Ельницкий понимает это место следующим образом: «аргонавты достигли области Северного океана по р. Танаису, откуда перенесли Арго на копьях до океанского берега», не видя здесь соединения Танаиса с океаном *(Ельницкий Л.А.* Знания. С. 18). Тем не менее текст ясно показывает, что на себе аргонавты несли свой корабль уже по Ливии, попав туда через океан, куда их вынесли воды Танаиса; ср. цитированное выше место из Schol. ad Apollon. Rhod. Arg. IV, 259, где Гесиоду, Пиндару и Антимаху приписывается мнение, что «аргонавты по океану прибыли в Ливию и, перенеся (на плечах – βαστάσαντα?) Арго, очутились на Нашем море». Таким образом, расположение волока мыслилось не на севере Европы, а на юге Африки.

у Арго девять суток (v. 1071: #ννέα μ#ν νύκτας τε κα# #ματα μοχθίζοντες). Отметим, что в некоторых из упомянутых источников речь идет о волоке между реками или между истоком Танаиса и Северным океаном.

Есть и еще одно обстоятельство, которое могло повлиять на возникновение веры в то, что Северное море можно достичь водным путем из Черного моря. Я имею в виду весьма древнюю традицию, связанную с космологическими воззрениями греков, согласно которым Меотида воспринималась как часть Внешнего (в данном случае Северного) океана.[39]

Так, уже Псевдо—Гиппократ (V–IV вв. до н. э.) в трактате «О числе 7», где контуры Земли сравниваются с лежащим головой на юг человеческим телом, пишет, что Земля имеет «Понт Эвксинский и Меотийское болото в качестве нижней части живота и прямой кишки» (XI, 7).[40] Л. А. Ельницкий, приведший этот текст, трактует его следующим образом: «Сопоставление Меотиды с прямой кишкой заставляет предполагать, что на ионийской карте Азовское море было представлено в качестве открытого бассейна, соединяющегося с внешним океаном».[41] Эта традиция, вероятно, подкрепляемая известиями о связи Черного и Балтийского морей, прослеживается на протяжении многих веков.

Латинский поэт середины I в. н. э. Лукан в своей эпической поэме «О гражданской войне» пишет (De bello civili, III, 277): «Шумный пролив Понта выводит волны Меотиды, и отнимается слава у Геркулесовых пределов, и отрицается, что Океан допускает один Гадес».[42]

Тот же смысл имеют слова Сенеки о замерзшей Меотиде, которая изливает северное море *(arctoum mare = Tethys = Oceanus)*.[43]

В «Перипле Эритрейского моря» (60–е гг. I в. н. э.) прямо сообщается, что «лежащее около Каспийского моря Меотийское болото изливается в океан» (Peripl. maris Erythraei, 64: # παρακειμ#νη λίμνη Μαι#τίς e#ς τ#ν #κέανον συναναστομο#σα).[44]

Живший во второй половине II в. н. э. Максим Тирский, очевидно, тоже считает Северный океан связанным с Черным морем, когда замечает: «…из Океана течет Меотида, из Меотиды – Понт, из Понта – Геллеспонт и из Геллеспонта – Наше море…».[45] Заливом Северного океана считал Меотийское болото и Марциан Капелла, автор V в. н. э.[46]

О распространенности в античности такого представления об Азовском море свидетельствует Плиний Старший: по его наблюдению, многие считали, что Меотида– залив Северного океана;[47] сам Плиний этого мнения не разделял.

---

[39] См.: *Burr V.* Nostrum mare. Ursprung und Geschichte der Namen des Mittelmeeres und seiner Teilmeere im Altertum. Stuttgart, 1932. S. 37–38: «Einige hielten sie *(sc.* Maeotis) sogar wie das Hyrkanische Meer für einen Busen des nördlichen Okeanos».

[40] Сохранился лишь латинский (весьма испорченный) перевод трактата; см.: (Euvres complétes d'Hippocrate / Ed. Ë. Littrè. T. VIII. Amsterdam, 1962. P. 639: «ventur inferior et longao intestinus exumus Pontus et palus meothis»).

[41] *Ельницкий Л. А.* Знания. С. 51.

[42] Quaque, fretum torrens, Maeotidos egeris undasPontus, et Herculeis aufertur Gloria metis,Oceanumque negant solas admittere Gades.Ср. комментарий к этому месту в ВДИ. 1949. № 2. С. 891: «В этих замысловатых выражениях Лукан намекает на то, что Меотида через Танаис так же связана с океаном (Скифским), как Средиземное море через Геракловы столпы, которые он именует «Геркулесовыми пределами», связано с Атлантикой…». Г. Лук в своем комментарии к этому месту замечает: «Das Asowsche Meer… hatte angeblich eine Verbindung zum nördlichen Ozean» (см.: *Lukan.* Der Bürgerkrieg / Lateinisch und Deutsch von G. Luck. Berlin, 1985. S. 516).

[43] *Seneca,* Herc. fur. 1336—8:… arctoum licet Maeotis in me gelida transfundat mare et tota Tethys per meas currat manus.

[44] См. перевод М. Д. Бухарина в: *Бонгард—Левин Г. М., Бухарин М. Д., Вигасин А. А.* Индия и античный мир. М., 2002. С. 299.

[45] Dissert. XXVI, 3: …#ξ #Ωκεανο# # Μαι#τις, #ς #κ τ#ς Μαιώτιδος # Πόντος, #ς #κ το# Πόντου # Ελλήσποντος, #ς #ξ Ελλησπόντο# # [#ντ#ς] θάλασσα.

[46] De nuptiis Pnilologiae et Mercurii, VI, 619: Palus vero Maeotica eiusdem sinus habetur Oceani.

[47] *Plin.* NH, II, 168: …ea (sc. palus Maeotica) lllius oceani sinus est, ut multos adverto credidisse.

К тому же кругу представлений принадлежит и распространившаяся после походов Александра Македонского вера в то, что Азовское море соединяется с Каспийским;[48] уже это обстоятельство делало его заливом Северного океана.[49]

Несколько слов следует сказать об античной картографической традиции. Как обстояло дело с картами Птолемея, от которых остались только их подробные описания, уже говорилось выше. Кроме птолемеевых карт до нас дошла только одна античная карта, на которой имеется изображение Восточной Европы, – так называемая *Tabula Peutingeriana* (Певтингерова карта), сохранившаяся в копии конца XII – начала XIII в., но по своей форме и содержанию восходящая к первым векам нашей эры.[50] Певтингерова карта, как и «География» Птолемея, показывает в Восточной Европе четыре реки, которые имеют устья в Северном океане (см. сегм. VII–VIII[51]). Интересно отметить, что на этой карте только здесь – в Восточной Европе восточнее Карпат – фиксируются впервые реки, впадающие в Северный океан. Но самое интересное – это то, что эти реки текут от Северного океана до Черного или Азовского моря, пересекая всю сушу (см. илл. 3).

Первая с запада река имеет название *Sellianus* и показана как правый приток Гипаниса (Южного Буга), который сам несколько восточнее имеет собственное устье в Северном море, впадая другим устьем в Черное (Понт Эвксинский). По некоторым палеографическим признакам, а также по расположению реки между Днестром *(Agalingus)* и Южным Бугом, можно предположить, что *Sellianus* – это искаженное название Вислы *(Vistula),* известной античности из карт Агриппы и Птолемея[52] и отсутствующей на Певтингеровой карте. Таким образом, Южный Буг изображен как река, имеющая прямой выход двумя руслами в Балтийское море – своим собственным и через Селлиан—Вислу, а третьим – в Черное море.

Следующая река Северного Причерноморья, показанная вытекающей из небольшого озера южнее гор (Рипейских) и впадающей в Черное море, имеет имя *Nusacus* и уверенно отождествляется исследователями с Днепром—Борисфеном. Далее следует река Танаис—Дон, имеющая это название, стекающая в полном соответствии с античными представлениями с Рипейских гор и впадающая в Меотиду (Азовское море). Вслед за Доном в Меотиду впадают еще три безымянные реки, две из которых имеют устья в Северном море.[53]

Известный исследователь Певтингеровой карты Конрад Миллер считал, что четыре реки, текущие из Северного моря в Черное или Меотиду, обязаны своим существованием неумелости переписчика или рисовальщика карты.[54] Однако аналогия с четырьмя реками Птолемея, впадающими в Венедский залив (Балтику), наводит на мысль, что здесь мы имеем дело с картографической традицией, что—то знавшей об этих реках.

Реки, впадающие сразу в два моря, вероятно, были не редкостью в античной картографии. Так, на карте мира, которая лежала в основе «Космографии» Юлия Гонория (IV–V вв. н. э.), Рейн течет одновременно в Западный океан (как ему и положено) и в Средиземное море (здесь он явно превращается в Рону), так что автор описания этой карты в смущении замечает: «и куда она течет – в западный океан или в Тирренское море – нельзя на суще-

---

[48] См., например, *Strabo,* XI, 7, 4: «…они (историки Александра. – *А. П.)* объединили озеро Меотиду, принимающее Танаис, с Каспийским морем, причем называли и последнее озером, утверждая, что оба водоема связаны друг с другом подземным проходом и один является частью другого…» (пер. Г. А. Стратановского). См. также *Curt. Ruf.* VI, 4: alii sunt, qui Maeotim paludem in id (sc. Caspium mare) cadere putent; et argumentum afferent, aquam quod dulcior sit, quam cetera maria, infuso paludis humore mitescere; *Plut.* Alex. 44.

[49] См.: *Burr V.* Nostrum mare. S. 37.

[50] См. о ней подробнее: *Подосинов А. В.* Восточная Европа. С. 287–299.

[51] Нумерация сегментов дается по изданию: *Weber E.* Tabula Peutingeriana. Codex Vindobonensis 324, vollständige Faksimile—Ausgabe im Originalformat. Graz, 1976.

[52] См. подробнее: *Подосинов А. В.* Восточная Европа. С. 336–337.

[53] Там же. С. 338 и 353.

[54] *Miller K.* Itmeraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. 2. Ausg. Stuttgart, 1916. S. 597.

ствующей [карте] увидеть, так как кажется, что она течет от воды к воде *(ab aqua ad aquam videtur currere)»*.[55]

Пользовавшийся картографическими источниками, близкими к Певтингеровой карте, Равеннский Аноним в своей «Космографиии», написанной ок. 700 г., отмечает две реки в Восточной Европе, впадающие в Балтийское море – Вистулу и Бангис.[56] Возможно, под вторым названием скрывается имя реки Буг (Южный).[57] В таком случае ее впадение в Балтийское море также свидетельствует о существовании картографической традиции изображения двух устьев одной реки, расположенных в двух разных морях.

Теперь следует остановиться на раннесредневековых картах, которые в целом продолжают традиции античной картографии, консервируя многие из античных представлений о Восточной Европе.

Прежде всего необходимо сказать о западноевропейских картах типа Т—О, которые состоят из круга (О), символизирующего Мировой океан, и вписанной в него «буквы» Т, вертикаль которой образована Средиземным морем, а горизонталь – реками Танаисом слева и Нилом справа. В этой схеме левая перекладина буквы Т чисто схематично, прямой линией, изображает не только Танаис, но и Эгейское, Мраморное, Черное и Азовское моря, отделяющие вместе с Танаисом—Доном Азию от Европы.[58] Вполне естественно, что эта схема предполагает соединение Черного моря с Северным океаном (см. илл. 4), совершенно в духе древнегреческих представлений об обратном пути аргонавтов.

В Средневековье изготавливались и более подробные карты типа Эбсторфской XIII в., содержащей более 1500 легенд.[59] На многих из них Танаис соединяет Меотиду с Северным океаном. Такова, например, Фрайзингская карта мира из Мюнхена XI в., на которой довольно реалистично изображены Средиземное, Мраморное, Черное и Азовское моря, но из Азовского моря к Северному океану уходит река, очевидно Танаис—Дон[60] (см. илл. 5). Соединяется с Северным океаном и Танаис, впадающий другим своим устьем в Понт Эвксинский, на Кембриджской карте конца XII – начала XIII в.[61] (см. илл. 6). Фрэнсис Дворник увидел в этом изображении свидетельство того, что автор карты знал о существовании речного пути «из варяг в греки», соединявшего Балтийское и Черное моря,[62] хотя, вероятно, более прав Л. С. Чекин, видящий здесь дань многовековой традиции картографического изображения Танаиса.[63]

Знаменитая Эбсторфская карта мира показывает в Восточной Европе реку, которая, начинаясь на юге, впадает в Северное море, называется *Olchis fl[uvius] qui et Wolkans* («река Олхис, которая также и Волканс»). На этой реке обозначены древнерусские города Новгород и Киев, есть на карте также Смоленск и Полоцк, расположенные на Западной Двине, впада-

---

[55] Cosmogr. 22 B. Текст и перевод см.: *Подосинов А. В.* Восточная Европа. С. 121.

[56] См. *Rav. Anon.* IV, 4: «Через эту страну [роксоланов, свариков и савроматов. *—А. П.]* протекают, среди прочих, следующие реки: большая река, которая называется Вистула *(Vistula)* и впадает очень полноводной в океан, и река, которая называется Лутта»; IV, 11: «Из гор этой Сарматии берет начало множество рек; среди прочих одна река, которая называется Бангис, впадает в океан, другая, которая называется Аппион, течет куда—то к [северной] части Данубия».

[57] *Подосинов А. В.* Восточная Европа. С. 277–278. В византийских источниках имя Буг в форме Βογοῦ появляется впервые в X в. у Константина Багрянородного (De imp. adm. 42, 59 и 38, 69).

[58] См., например: *Чекин Л. С.* Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарии. М., 1999. С. 22—108 и илл. 1—18, 26, 27, 29, 31, 33, 34 и др.

[59] См. о них подробнее: The History of Cartography. Vol. I. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and Mediterranean / Ed. by J. B. Harley and D. Woodward. Chicago; London, 1987. P. 286–370.

[60] *Чекин Л. С.* Картография. Илл. 37.

[61] Там же. Илл. 42.

[62] *Dvornikb.* the Kiev State and Its Relations with Western Europe // Essays in Medieval History, Selected from the Transactions of the Royal Historical Society on the Occasion of Its Centenary / Ed. R. W. Southern. London et al, 1968. P. 20.

[63] *Чекин Л. С.* Картография. С. 128.

ющей в Балтийское море. Эти реки изображены рядом и параллельно с другими, которые текут в противоположном направлении и впадают, в свою очередь, в Черное море[64] (см. илл. 7). Многие другие средневековые карты также показывают соединение двух морей через реки: см. карты Беата (XI–XII вв.), карту мира из Мюнхена XI в. (BS, CLM 6362, f. 74), карту мира Ранульфа Хигдена (1350 г.) и другие.

В рамках этих идей становится понятным представление Адама Бременского о Балтийском море, по которому из датского города Шлезвига можно доплыть до Руси и Греции,[65] поскольку Меотида, как вычитал Адам у Марциана Капеллы, является заливом Северного моря.[66] К этому же кругу идей следует отнести и помещение на карте мира из Альби VIII или IX в. надписи *Cimiricum mare* (Киммерийское море) над северным побережьем Евразии (см. илл. 8).

Что касается византийских карт, то мы практически ничего не знаем о них.[67] Недавно в Отделе рукописей Государственного исторического музея А. А. Россиус обнаружил поздневизантийскую карту мира XV в.,[68] на которой изображена овальной формы ойкумена, окруженная океаном, со Средиземным морем посреди (карта ориентирована на север). От Константинополя на север уходит вытянутая водная артерия, которая при первом расширении имеет название Понта Эвксинского, затем, уже при самом впадении в Северный океан, называется Меотидой (см. илл. 9). Таким образом, этот весьма редкий образчик византийской картографии также показывает соединение Черного и Азовского морей с Северным океаном.

От XV века до нас дошла карта мира, созданная болгарским ученым Константином Костенечским, но явно восходящая к византийским образцам.[69] На карте (см. илл. 10) Средиземное («Наше») море начинается от Гибралтара, проходит через всю ойкумену и впадает в Северный океан в его восточной части и называется там Каспийским морем. Я думаю, мы имеем здесь дело с контаминацией двух идей – что Волга соединяет Каспийское море с Северным океаном и что Танаис соединяет Черное море с Балтийским.

В ранневизантийских литературных источниках идея соединения Северного океана с Понтом через водные пути также находила себе место. Феофан Исповедник в начале IX в. в своей «Хронографии» под 679/680 г. писал:[70]

> В северных, противоположных частях Эвксинского Понта, у озера, называемого Меотидой, в которое впадает величайшая река, стекающая от океана по земле сарматов и называемая Атель (т. е. Волга), в которую (Атель. – *И.Ч.)* впадает река, называемая Танаис, сама вытекающая от Ивирийских ворот, что в Кавказских горах, а от слияния Танаиса и Ателя выше уже названного Меотидского озера, когда Атель разделяется, течет

---

[64] Там же. Илл. 48 и 51.

[65] «Этот залив [местные] жители называют Балтийским, так как он тянется на большое расстояние через области скифов вплоть до Греции наподобие пояса. Его также именуют морем Варварским или Скифским по варварским народам, которые обитают на его берегах» *(Adam.* Lib. IV, cap. 10; пер. В. В. Рыбакова).

[66] «Полагаю, что древние знали вышеописанные воды [Балтики] под именами Скифских, или Меотийских болот, «гетских пустынь», а также «скифского берега, густо населенного множеством разнообразных варваров», как назвал их Марциан, писавший, что «там обитают геты, даки, сарматы, [невры,] аланы, гелоны, антропофаги и троглодиты»» *(Adam.* Lib. IV, cap. 20; пер. В. В. Рыбакова).

[67] См. о византийской картографии: *Подосинов А. В.* Картография в Византии. (К постановке вопроса) // Византийский Временник. 54. 1993. С. 43–48.

[68] Син. 415 (Вл. 509). ГИМ. F 79^{v}.

[69] См.: *Чолова Ц.* Естественнонаучните знания в средневековна България. София, 1988. С. 30–34.

[70] *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 60.

> река, называемая Куфис (Кубань или Южный Буг. *—А. П.),* и впадает в край Понтийского моря…

При всей географической запутанности процитированного текста одно явствует с непреложностью – Волга, вытекая из Северного океана, сливается с Танаисом, впадающим в Азовское море, и с Кубанью, впадающей в Черное море, делая тем самым возможным непрерывное водное сообщение между северным и южным водоемами.

Интересно, что и арабская геокартография разделяла мнение античной и западноевропейской географии о возможности водного сообщения между Черным и Балтийским морями (подробнее см. об этом ниже в главе II).

В сочинениях и на картах мира так называемой «классической школы», идущей от ал—Балхи и представленной географами X в. ал—Истахри и Ибн Хаукалом, вместо Черного и Азовского морей показан некий огромный канал *(халидж ал—Кустантинийа,* т. е. Константинопольский пролив), который, начинаясь в Западном море *(ал—бахр ал—Магриб,* т. е. в западной части Атлантики), проходит до Константинополя, а затем, повернув на север, прорезает земли славян *(ас—сакалиба),* русов *(ар—рус),* булгар и впадает на севере, близ «беднейших из бедных народов Гог и Магог *(Йаджудж—ва—Маджудж)»,* в так называемый Окружающий океан *(ал—бахр ал—Мухит,* здесь – северную часть Атлантики)[71] (см. илл. 11 и 12).

Европа как со всех сторон окруженный водой остров показана и на недавно найденной арабской карте мира XI в., которая теперь хранится в библиотеке Оксфордского университета (MS arab. C. 90, fols. 23b—24a).[72]

Возможно, здесь надо видеть влияние западноевропейских Т—О–образных *mappae mundi,* на которых Черное и Азовское моря вместе с Танаисом—Доном изображались одной непрерывной линией. Напомню, что именно такой «пролив» показывают упомянутые выше поздневизантийская карта мира и болгарская карта XV в.

К этому же кругу представлений следует отнести и сообщения знаменитого арабского географа ал—Идриси (1154 г.) о некоей «Русской реке», которые несут в себе известия о нескольких реках Восточной Европы (в том числе Волге и Доне) и отражают знания арабских путешественников о водном пути из Черного моря на Север Руси.[73]

В 30–х гг. XII в. среднеазиатский ученый ал—Хараки в своем сочинении «Предел постижения относительно разделения небесных сфер» писал, что в Черное море «впадает река, которая называется Танаис, она течет со стороны севера из моря, которое называется Меотис *(Майтас),* а это – Варяжское море» (пер. Т. М. Калининой).[74] Если учесть, что под Варяжским морем ал—Хараки подразумевал Балтийское море, то ясно, что здесь имеется в виду сплошная водная артерия между Черным и Балтийским морями.[75] Этот текст очень напоминает выше цитированное высказывание Адама Бременского, видевшего в восточной части Балтийского (Варяжского) моря античную Меотиду.

---

[71] Viae Regnorum. Descriptio ditioms moslemicae auctore Abu Ishak al—Farisi al—Istakhri / Ed. M. J. de Goeje. Leiden, 1870. P. 220; Opus geographicum auctore Ibn Haukal… / Ed. J. H. Kramers. Leiden, 1938. Fasc. 2. P. 202, 388, 393; *Калинина Т. М.* Водные пространства Севера Европы в трудах арабских ученых IX–XII вв. // Восточная Европа в исторической перспективе. К 80–летию И. Т. Пашуто. М., 1999. С. 92–93.

[72] Карта была представлена 28 октября 2005 г. на «The 35th Medieval Workshop», прошедшей в Университете Британской Колумбии в Ванкувере (авторы сообщений E. Savage—Smith, Y. Rapoport и L. Berggren). Карта доступна теперь на сайте: http://www.ouls.ox.ac.uk/bodley of curiosities.

[73] См. подробнее: *Коновалова И. Г.* Топоним как способ освоения пространства («Русская река» ал—Идриси) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М., 2001. С. 192–219 и Часть 2 Главы II настоящего издания.

[74] Фрагмент этого труда привел, среди примечаний, издатель книги ал—Баттани С. А. Наллино: *Al—Battani* sive *Albatenii* Opus Astronomicum / Ed. C. A. Nallino. Milano, 1899. T. III. P. 173. N. 4.

[75] Ср.: *Калинина Т. М.* Водные пространства. С. 89 о появлении у Хордадбеха «понятия о единой водной артерии, соединяющей север и юг Восточной Европы».

Наконец, в рукописи сочинения ал—Хорезми, относящейся к XI в. (1037 г.), сохранилась карта с изображением Меотиды *(ал—Батихи)*.[76] Как по ней, так и по описанию,[77] можно понять, что это озеро, по данным ал—Хорезми, не соединялось с Понтом, а имело соединение, посредством двух параллельно текущих рек, с Северным Внешним морем, соответствующим Сарматскому океану Птолемея (см. илл. 13).

Закономерно возникает вопрос, как же соотносятся между собой европейская и исламская картографические традиции изображения Европы как острова. В последние годы получила распространение теория, согласно которой исламская наука и особенно картография оказали большое влияние на развитие европейской картографии. Большой вклад в развитие этой теории внес исследователь из Франкфурта—на—Майне Фуат Сезгин.[78]

Возможно ли в свете этой теории утверждать, что, скажем, византийская карта конца XV в., на которой от Константинополя на север уходит пролив до Северного океана, или подобные карты из Западной Европы испытали влияние арабо—исламской картографии (что хронологически вполне возможно)? Я так не думаю. Дело в том, что Фуат Сезгин, говоря об исламском влиянии, имеет в виду математическую картографию, которая не имеет никакого отношения к нашему случаю. Наибольшее количество примеров сходства с западноевропейскими *mappae mundi* дают круглые карты мира, произведенные в «классической школе» ал—Балхи, но именно эти карты представляют собой отклонение от основного направления арабской математической картографии, представленной, как полагают, картой мира ал—Ма'муна.[79] Существуют разные объяснения этого факта. В то время как К. Миллер видел здесь разрыв с греческой и особенно Птолемеевой традицией («eine Freimachung oder Loslösung der arabischen Kartographie von der griechischen Tradition und besonders von dem anfänglich vergötterten Ptolemaeus»[80]), Фуат Сезгин полагает, что эти карты возникли независимо от карт ал—Ма'муна («in Unkenntnis der Ma'mūnkarten entstanden sind»[81]).

Я думаю, что школа ал—Балхи, которая, как считают, «не знала» ни греческого влияния, ни традиции ал—Ма'муна, могла испытать влияние римской, «Агрипповой» картографической традиции, которая отличалась от научной греческой (Эратосфено—Птолемеевой) большим схематизмом и имела продолжение и в западноевропейской, и в византийской картографических традициях.[82]

---

[76] *Mzik H.* Ptolemaeus una die Karten der arabischen Geographen // Mitteilungen der Kaiserlichen und Kцniglichen geographischen Gesellschaft in Wien. 1915. 58. S. 161; см. фотографию этой карты в: The History of Cartography. Vol. 2. Book 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies / Eds. J. B. Harley and David Woodward. Chicago; London, 1992. 111. 5.

[77] Cm. 2378–2384 по изданию Мжика: Das Kitāb Ṣūrat al—ard des Abū Ǧa'far Muhammad ibn Mūsā al—Huwārizmī / Ed. H. Mžik. Leipzig, 1926: «Затем выходят из нее [Батихи. *—А. П.]* две реки и (текут) между двух морей; место впадения обеих – в Северное море. И вот – карта этого» (пер. Т. М. Калининой).

[78] См.: *Fuat Sezgin.* Geschichte des arabischen Schrifttums. Bd. X. Mathematische Geographie und Kartographie im Islam und ihr Fortleben im Abendland. Historische Darstellung. 1–2. Frankfurt am Main: Institut für Geschichte der Arabisch—Islamischen Wissenschaften an der Johann Wolfgang Goethe—Universität, 2000; *Idem.* Geschichte des arabischen Schrifttums. Bd. XII. Kartenband. Frankfurt am Main: Institut für Geschichte der Arabisch—Islamischen Wissenschaften an der Johann Wolfgang Goethe—Universität, 2000; *Idem.* Wissenschaft und Technik im Islam. Einführung in die Geschichte der Arabisch—Islamischen Wissenschaften. Frankfurt am Main: Institut für Geschichte der Arabisch—Islamischen Wissenschaften an der Johann Wolfgang Goethe—Universität, 2003.

[79] Ср.: *Fuat Sezgin.* Geschichte des arabischen Schrifttums. Bd. XII: 131: «Dieser Kartentypus wurde… in der islamischen Welt weit verbreitet und stellt eine eigene Richtung in der Entwicklungsgeschichte der arabisch—islamischen Kartographie dar».

[80] *Miller K.* Mappae arabicae: Arabische Weltund Länderkarten des 9.—13. Jahrhunderts. 5. Stuttgart, 1930. S. 184.

[81] *Fuat Sezgin.* Geschichte des arabischen Schrifttums. Bd. ХИ. a. 130.

[82] Некоторые примеры зависимости арабской картографии от европейской разобраны в работах: *Podossinov A. V.* Das Schwarze Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. I. Lokalisierung von Trapezus // Ancient West & East. 2, 2. 2003. S. 314–315; *Podossinov A. V.* Das Schwarze Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. II. Die Halbinsel Krim, das Azowsche Meer und die Straße von Kertsch // Ancient West & East. 3, 2. 2004. S. 338–353; *Калинина Т.* М, *Подосинов А. В.* Азовское море в античной, в средневековой европейской и в арабской картографии // Ad fontem. У источника. Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 108–119.

Свидетельством этого служит их сходство во многих принципиальных деталях, среди которых – круглая или овальная форма ойкумены, окруженной океаном, отсутствие следов математической картографии, соединение через реки/реку Черного и Балтийского морей, изображение Азовского моря как отдельного от Черного моря бассейна (см. об этом следующий очерк), очертания Средиземного моря и некоторые другие.

В качестве посредника в передаче этой картографической традиции могла выступить карта мира византийского императора Феодосия II, которая была создана по его инициативе в 435 г. на основе карты мира Агриппы, служа официальной картой империи этого времени.[83] В поэтическом эпилоге позднеантичного географического трактата *Divisio orbis terrarum,* адресованного Феодосию, говорится, что изготовители этой карты «представили весь мир в кратком изложении *(totum breviter comprehendimus orbem)».* Карта мира Агриппы, которую и описывает *Divisio,* могла в этой форме служить основой для средневековых *mappae mundi* и для позднегреческих и арабских карт (очень вероятно, как раз для карт школы ал—Балхи[84]). Конечно же, поставленный здесь вопрос не может быть решен в рамках данного очерка и заслуживает отдельного рассмотрения.

Подводя итоги, следует сказать, что в античной и средневековой геокартографиях в отношении Восточной Европы, несмотря на недостаток информации о севере этого региона, всегда существовало представление о возможности водного пути (прямого или с помощью волоков), соединяющего Черное и Азовское моря с Балтийским морем. По—видимому, помимо напрашивающихся объяснений данного обстоятельства тем, что это были «мнимые реальности», фантазии, научные спекуляции[85] или просто ошибки, следует принять во внимание и возможность существования реальных контактов населения Восточной Прибалтики и Причерноморья, которые могли осуществляться главным образом по речным путям и которые документируются археологическими данными[86] и отражаются в наших источниках. В конце концов, балтийский янтарь каким—то способом достигал стран Средиземноморья, где находил большой спрос, и одним из путей его поступления в Средиземноморье, по крайней мере, на рубеже эр, был путь по Неману и Березине в Поднепровье и далее в Черное море.[87] Несколькими столетиями позже и готы пришли в Причерноморье с берегов Балтики

---

[83] См. об этой карте: *Wolska—Conus W.* La «carte de Théodose II»: sa destination? // Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Traveux et Mémoires. 5. Paris, 1973. P. 276–278; *Weber E.* Tabula Peutingeriana. S. 117; *Hövermann J.* Das Geographische Praktikum des Claudius Ptolemaeus (um 150. p. C. n.) und das geographische Weltbild der Antike // Abhandlungen der Braunschweigischen wissenschaftlichen Gesellschaft. 31. Göttingen, 1980. S. 93–94; The History of Cartography. I. P. 259–260; *Gautier Dalché P.* La 'Descriptio mappe mundi' de Hugues de Saint—Victor. Text inédit avec introduction et commentaire. Paris, 1988; *Подосинов А. В.* Константинополь на Певтингеровой карте (к вопросу о картографии в Византии) // Историческая роль Константинополя. Тезисы докладов XVI Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2003. С. 92–94.

[84] Ср.: The History of Cartography. Vol. 2. Book 1. P. 129 о сходстве этих арабских карт со средневековыми *mappae mundi* и о возможном влиянии на них византийских карт. Хороший пример исламско—европейского взаимовлияния в картографии представляет собой типично западноевропейская Т—О—*mappa mundi* VIII–IX вв. из Национальной библиотеки в Мадриде (Vitr. 14. 3. 117v), которая надписана по—арабски и содержит арабскую этно– и топонимию (см. о карте: *Коновалова И. Г.* Андалузская карта // *Чекин Л. С.* Картография. С. 54–56 и илл. 11).

[85] Возможно, предполагаемой связью Танаиса (Дона) с Северным океаном следует объяснять ту легкость и настойчивость, с которой на протяжении многих веков по этой реке проводили границу между Европой и Азией, что географически малооправданно.

[86] См. о них: *Булкин Вас. А.* Некоторые данные. С. 7–8; см. особенно с. 7: «Географическое положение центральной Белоруссии (откуда начинаются реки, текущие как в Черное море, так и в Балтийское. – *А. П.)* создавало вполне благоприятные условия для их использования в древности и в Новое время как путей сообщения между Балтийским и Черным морями». Ср. также: *Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья: Историко—филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997. С. 83–86, 92.

[87] См.: *Щукин М. Б.* На рубеже эр. СПб., 1994. С. 190–201. *Он же.* Янтарный путь и венеды // Проблемы археологии. Вып. 4. СПб., 1998. С. 198–208; *Kulakov V. I.* Amber Lands in the Time of the Roman Empire. Oxford (BAR International Series 1359), 2005. Впрочем, еще H. Blümner писал в RE. 5. Hlbd. 1897. Sp. 298 о более ранней датировке подобных контактов: «Aus altgriechischen Funden im Norden… hat man schliessen wollen, dass schon im 5. Jhdt. v. Chr. eine Handelsverbindung, die vornehmlich auch Bernstein betraf, zwischen der Ostsee und dem Schwarzen Meere bestand». См. также: Der Neue Pauly. 2.

по Висле и Западному Бугу[88] к низовьям Днестра и Дуная,[89] а в еще более поздние времена здесь функционировал хорошо известный древним скандинавам, славянам и византийцам водный путь «из варяг в греки», о котором не знал цитированный в начале очерка венецианский историк Марк Сабеллик, – т. е. «водный путь из Британнского моря через Германское и Сарматское к Меотиде и Босфору, а затем оттуда в Понтийское море» существовал!

Stuttgart; Weimar, 1997. S. 575–577 о поступлении балтийского янтаря в Микены уже во втором тысячелетии до н. э.

[88] Неслучайно, по—видимому, две реки Восточной Европы, одна из которых впадает в Балтийское море, а другая – в Черное и которые имеют свои истоки недалеко друг от друга, служа естественным продолжением друг друга, называются одним именем – *Буг* (Южный и Западный); об идентичности обоих имен см.: *Шрамм Г.* Реки. С. 65. Маркиан из Гераклеи (II, 39) рассказывает, что Рудон, река, впадающая в Балтийское море, имеет свои истоки у горы аланов, где живут сарматские аланы и где начинается Борисфен (Днепр), впадающий в Черное море (τ# τ#ν #Αλαν#ν Σαρμάτων #θνος, παρ# ο#ς το# Βορυσθένους ποταμο# το# ε#ς τ#ν Πόντον #ξιόντος α# πηγα# τυγχάνουσι). Аммиан Марцеллин также локализует рядом *(iuxta)* с реками Хронос и Вистула народы массагетов, аланов и саргетов (XXII. 8. 38), которые, как известно, жили неподалеку от Черного моря.

[89] Одно из первых известий о появлении готов у Черного моря принадлежит Дексиппу, который в 262/263 году был архонтом в Афинах. Согласно Дексиппу (Chron. Frg. 14 и 16 Dindorf), в 238 году готы в первый раз напали на римскую территорию в районе Нижнего Дуная и разграбили город Истрию. О маршруте готов от Балтийского моря к Черному см.: *Wolfram H.* Die Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. 3. Auf. München,1990. S. 52–53; *Седов В. В.* Славяне: Историко—археологическое исследование. М., 2002. С. 142–150.

ОЧЕРК 3
Азовское море и Керченский пролив в античной и средневековой западноевропейской картографии

Настоящий очерк посвящен одному странному обстоятельству, связанному с изображением Северного Причерноморья в античной и средневековой картографии. Речь идет о разделении Черного и Азовского морей, т. е. об изображении Азовского моря как замкнутого бассейна (озера). Следствием этого является отсутствие Керченского пролива и, как правило, Крыма как полуострова. Эту картографическую традицию (или ее следы) можно проследить в античной, в средневековой европейской и арабской[90] картографии.

* * *

В античной картографии известны только две карты, на которых имеется изображение Черного моря с его северным побережьем – на карте середины III в. н. э. из города Дура—Европос на среднем Евфрате[91] и на Певтингеровой карте, сохранившейся в копии XII–XIII вв., но определенно восходящей к первым векам н. э.[92] На обеих картах на том месте, где в Черное море выступает полуостров Крым, морское побережье представлено прямой линией, хотя там, где должен быть Крым, присутствует крымская топонимия.

Так, на карте из Дура—Европос восточнее города Борисфена (Ольвии) назван крымский город Херсонес, после которого следует город Трапезунт (см. илл. 16). Отсутствие изображения Керченского пролива и Крыма предполагает, на мой взгляд, отсутствие также соединения Азовского моря (которое на карте отсутствует) с Черным.

На Певтингеровой карте (сегмент VIII, 1–2, по изданию Э. Вебера[93]) над практически прямой линией северного берега Черного моря также упомянуты некоторые крымские топонимы (см. илл. 3), в частности, название Saurica, которое, возможно, представляет собой искаженное название полуострова Taurica; надпись «Рвы, вырытые рабами скифов», представляющая собой аллюзию на Перекопский перешеек; крымские города Калос лимен (*Salolime*), Акра, Нимфей, возможно, Мирмекий. Большинство этих названий надписано на узкой полосе суши, отделяющей Понт Эвксинский от Меотийского озера (*Lacus Meotidis* – Азовское море); при этом Азовское море представлено как замкнутый бассейн и не показан Керченский пролив, а по всей суше между морями тянется надпись *Bosforani*, т. е. «жители Боспорского царства», как известно, располагавшегося по обоим берегам Керченского пролива. Певтингерова карта является, таким образом, ярким и достоверным свидетельством существования в античной картографии представления о Меотиде как о замкнутом озере.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что описательная, литературная география как греков, так и римлян, ориентированных на греческие описания, прекрасно знает Азовское море как соединяющийся с Черным морем через Босфор Киммерийский (Керченский пролив) бассейн, а Крым как крупный полуостров в Северном Причерноморье. Эту

---

[90] Об изображении Азовского моря в арабской картографии см. подробнее ниже в Главе II.

[91] См. о ней подробнее: *Подосинов А. В.* Черное море в картографической традиции античности и раннего средневековья // ДГ, 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 237–252; *Он же.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 77–99 (там же литература о карте).

[92] См.: *Подосинов А. В.* Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. I (I–VI вв.). С. 63–80; *Он же.* Восточная Европа. С. 287–378.

[93] *Weber E.* Tabula Peutingeriana. Codex Vindobonensis 324, vollständige Faksimile—Ausgabe im Originalformat. Graz, 1976.

традицию заложил еще Геродот в своем «Скифском логосе»,[94] упомянув о Таврике как о южной границе Скифии, выступающей на юг и на восток. На протяжении всей античности конфигурацию Черного моря сравнивали с составным скифским луком, тетивой которого было южное побережье моря, а самим луком с двумя выступающими «горбами» – северно.[95] Углубление между этими «горбами» и создавал Крымский полуостров, простирающийся к югу.

Древнегреческая научная картография, представленная в творчестве Клавдия Птолемея (II в. н. э.) и его предшественников (Эратосфена, Гиппарха, Страбона, Марина Тирского), воспроизводила, судя по тексту «Географического руководства» Птолемея, Азовское море, Керченский пролив и Крымский полуостров тоже достаточно реалистично.[96]

Это обстоятельство указывает на то, что отмеченные деформации в изображении Северного Причерноморья были свойственны только *римской картографической традиции*. Откуда могла пойти такая традиция?

Уже было показано ранее,[97] что некоторые деформации в изображении Черного моря – в позднеантичной и раннесредневековой картографической традиции – обязаны своим происхождением смещениям на карте мира Марка Випсания Агриппы (конец I в. до н. э.). В частности, следуя ошибке на карте Агриппы, южночерноморский город Трапезунт помещали на северном берегу Черного моря: карта из Дура—Европос, Певтингерова карта, карты, которыми пользовались Иордан (VI в.), анонимный автор из Равенны, написавший в VII в. «Космографию», и, возможно, арабские авторы ал—Ма´суди и ал—Идриси. Известно, какое большое влияние оказала карта мира Агриппы на последующую картографическую традицию античности и раннего Средневековья.[98]

Есть также некоторые признаки того, что Меотида, Крым и Керченский пролив не были обозначены на карте Агриппы. Хотя сама карта до нас не дошла, краткое ее содержание известно по двум позднеантичным (V в. н. э.) географическим каталогам «Divisio orbis terrarum» и «Demensuratio provinciarum», описывавшим границы и размеры различных регионов на Агрипповой карте.[99] В этих трактатах территория Скифии и Сарматии описывается следующим образом: «Сарматия и Скифия Таврика. Они ограничиваются с востока хребтами горы Кавказ, с запада – рекой Борисфен, с севера – океаном, с юга Понтийской провинцией».[100] Таврика в этом перечислении не выделена отдельным пунктом, но присутствует как определение для Скифии, показывая, что ко времени Агриппы скифская территория ограничивалась лишь размерами Крыма. Южной границей этой территории является *provincia Pontica*, в которой можно усматривать территорию Боспорского царства, объединенного в то время с южночерноморским царством Понт.[101] Крым оказывается, таким образом, никак не выделен среди других регионов Северного Причерноморья и едва ли был запечатлен на

---

[94] См.: *Herod.* IV, 20 и 99: # Ταυρικ#.

[95] См., например: *Ammian. Marc.* XXII, 9: «все географы (названы были «Эратосфен, Гекатей, Птолемей и другие авторитетнейшие специалисты в этого рода знаниях». – *А. П.*) единогласно уподобляют вид моря скифскому луку с натянутой тетивой»; ср. также: *Strabo,* II, 5, 22; *Plin.* NH, IV, 76; *Dionys. Perieg*. 156–162. См. подробнее: *Илюшечкина Е. В.* «Скифский лук» как модель для ориентации в пространстве // ДГ, 2003 г. М., 2005. С. 73–82.

[96] См.: *Ptol.* Geogr. III, 6 и V, 9, 1–7 (ed. C. F. A. Nobbe); ср. карты Птолемея в греческих и латинских рукописях XIII–XV вв.: *Kamal Youssouf.* Monumenta. T. II, fasc. 1. 1928. P. 132, 148.

[97] *Подосинов А. В.* Черное море. С. 237–252; *Podossinov A. V.* Das Schwarze Meer in der geokartographischen Tradition der Antike und des frühen Mittelalters. I. Lokalisierung von Trapezus // Ancient West & East. 2, 2. 2003. S. 314–315.

[98] См. об этом, например: *Miller K.* Mappae mundi. Die ältesten Weltkarten. Stuttgart, 1898. Ht. VI. S. 53.

[99] См. их издание и исследование: *Подосинов А. В.* Восточная Европа. С. 62–76.

[100] Div. 15 = Dem. 9: «Sarmatia et Scythia Taurica. Hae finiuntur ab oriente iugis montis Caucasi, ab occidente flumine Borysthene, a septentrione oceano, a meridie provincia Pontica» (ср.: *Plin.* NH, IV, 91).

[101] Подробнее см.: *Подосинов А. В.* Проблемы исторической географии Восточной Европы (античность и раннее средневековье). Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. С. 44–45.

карте, которая была изготовлена после смерти Агриппы на основании его текстов. Полное отсутствие упоминания Меотиды в «Divisio» и «Demensuratio» заставляет думать, что она была изображена как внутреннее озеро.

По—видимому, этой Агрипповой традиции следуют как рассмотренные выше изображения Северного Причерноморья на карте из Дура—Европос и на Певтингеровой карте, так и описания некоторых поздних географических сочинений, стоящих в русле Агрипповой традиции и основанных на подобной карте. Надо подчеркнуть, что именно эти карты составляют, по мнению историков картографии, Агриппову линию в развитии картографии, и именно в них ранее были обнаружены особенности, объясняемые влиянием карты Агриппы.

К этой же традиции обычно относят два географических произведения, в которых описание мира построено на картах, близких Агрипповой или Певтингеровой: «Космографию» Юлия Гонория, написанную в IV–V вв., и «Космографию» Равеннского Анонима, датируемую началом VIII в. Как же отражена территория Азовского моря и Крыма в этих памятниках?[102]

В «Космографии» Юлия Гонория упоминаются следующие «моря»: «море Меотида, море Босфор, море Киммерийское, море Понт…».[103] Второе и третье моря явно означают Керченский пролив, который в античности назывался Боспором (Босфором) Киммерийским (# Κιμμερικ#ς Β#σπορος). Обозначение Керченского пролива как «морей», да еще как двух отдельных морей, показывает, что пролив между Меотидой (Азовским морем) и Черным морем не изображался на карте, описываемой Юлием Гонорием, а значит, не был показан и Крым как полуостров. Об этом же, на мой взгляд, свидетельствует и странное название «город Синды Таврика» (*Sindi Taurica oppidum*), упомянутое «Космографией» в Северном Причерноморье (32 А). Синды – народ на Таманском полуострове (т. е. на восточном берегу Керченского пролива), Таврика же должна означать западный берег пролива. Два этих названия, написанные вместе, означают, что Керченского пролива на карте Гонория не было, а, как и на Певтингеровой карте, между Азовским и Черным морями изображалась непрерывная полоса суши.

В «Космографии» Равеннского Анонима также есть данные, позволяющие думать об отсутствии на карте—основе, весьма близкой Певтингеровой карте, Керченского пролива и Крымского полуострова. Судя по тому, что города Боспорского царства перечисляются в IV, 3 с востока на запад без всякого «шва» на месте пролива, а про Меотиду говорится, что она «простирается до Боспорской страны»,[104] которая сама находится «возле Понтийского моря»,[105] историки давно уже заключили, что Меотида была обозначена на карте Равенната, как и на Певтингеровой карте, обособленным от Черного моря бассейном.[106]

Ни слова не говорит о Крыме в своем описании Скифии Иордан, у которого уже отмечались следы Агрипповой картографической традиции, хотя он и упоминает «Меотийское болото» (*Meotis palus*), «Боспорские проливы» (*angustiae Bosfori*) и некоторые города Крыма (*Chersona, Theodosia, Careon, Myrmicion*).[107]

К этому же кругу представлений об обособленности Азовского моря следует причислить и прослеживаемое на протяжении многих веков восприятие Танаиса как реки, соединяющей Азовское и Черное моря. Так, ирландский монах Дикуил в 825 г. писал (основы-

---

[102] См. их издание и исследование: *Подосинов А. В.* Восточная Европа. С. 107–286.

[103] *Iul. Honor.* Cosm. 28 A: Mare Maeotis, mare Bosphorum, mare Cimmerium, mare Pontum…

[104] *Rav.* Cosm. IV, 5: Meotida regio… usque ad praefatam Bosphoranam patriam pertingit.

[105] *Rav.* Cosm. IV, 3: iuxta mare Ponticum posita.

[106] См., например: *Schnetz J.* Onogoria // Archiv für slavische Philologie. 1926. 40. S. 159.

[107] *Iord.* Get. 30–33, 37–39, 44–46, 117, 123–126.

ваясь, очевидно, на изображении на карте): «Река Танаис рождается на горе Гипербореи Рипеи. Пройдя через Меотийские болота, впадает в Эвксинский Понт».[108] При этом важно иметь в виду, что книга Дикуила в качестве источника использовала, помимо прочих сочинений, также «Divisio orbis terrarum» и «Космографию» Юлия Гонория, т. е. находилась совершенно в русле Агрипповой традиции. Представление о том, что Меотида соединяется с Черным морем рекой Танаис, восходит, несомненно, к античности, так как уже Арриан в своем «Перипле Черного моря» (XIX, 4) писал, что Танаис «вытекает из Меотийского озера и впадает в Понт Эвксинский». Отзвуки этих представлений находят и в византийской литературе.[109]

Таким образом, можно предположить, что на большинстве римских и раннесредневековых карт Крымский полуостров отсутствовал и, следовательно, Азовское море изображалось как замкнутое; истоки этой картографической особенности могут лежать в изначальном отсутствии Крыма и изоляции Азова на карте мира Марка Випсания Агриппы, которая послужила образцом для многих последующих карт так называемой Агрипповой традиции, резко отличающейся от традиции птолемеевой картографии.[110]

* * *

В Средние века картография была представлена, в основном, картами мира, которые варьировались от схематичных Т—О–образных космограмм до подробных карт типа Эбсторфской XIII в., содержащей более 1500 легенд.[111] Как показывает исследование средневековых *mappae mundi* VIII–XIII вв., проведенное Л. С. Чекиным,[112] Крымский полуостров отсутствует не только на схематичных картах, где его a priori не может быть, так как все Черное море (вместе с Эгейским, Мраморным и Азовским) сведено на них, как правило, до узкой полосы, образующей левую перекладину тау—образного креста, основной стержень которого символизирует Средиземное море[113] (см. илл. 4). Но и более подробные карты мира, пытающиеся передать линию морского побережья, острова и проливы, не фиксируют Крым как полуостров на северном побережье Черного моря.[114] Как же изображался на этих картах интересующий нас регион?

Англо—саксонская карта 2–й четверти XI в.[115] одна из первых дает довольно реалистические очертания Черного моря, но и здесь мы не находим никаких следов Крыма, а Азовское море никак не изображено, только посреди северного побережья Черного моря есть надпись *Meotides paludes* («Меотийские болота») (см. илл. 17). Карты мира XIII в. – Эбсторфская и Херефордская, – имея чрезвычайно подробную картографическую информацию, также не

---

[108] *Dicuil.* De mensura orbis terrae. VI, 42 (ed. G. Parthey): «Fluvius Tanais nascitur in monte Hyperborei Riphei. Per Meotidas paludes exiens influit in Euxinum Pontum…».

[109] См., например: *Procop. Caes*. BG. IV, 4, 21: «Танаисом местные жители называют и то устье, которым начинается от Меотийского болота Танаис и, простираясь, как говорят, на двадцать дней пути, впадает в Понт Эвксинский, и даже тот ветер, который дует тут, они называют Танаитой»; ср. также: *Euagr.* Hist. eccl. IV, 23: «Танаисом туземцы зовут пролив, идущий из Меотийского болота в Эвксинский Понт». См. об этой традиции: *Амелькин А. О.* Керченский пролив в древности и средневековье // ВЕДС. XVIII. М., 2006. С. 3–7.

[110] Об этих двух традициях см. подробнее: *Miller K.* Mappae mundi. Ht. I. 1895. S. 2.

[111] См. о них подробнее: The History of Cartography. Vol. I. Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and Mediterranean / Ed. by J. B. Harley and D. Woodward. Chicago; London, 1987. P. 286–370.

[112] *Чекин Л. С.* Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999.

[113] См., например, репродукции таких карт: *Чекин Л. С.* Картография. С. 25, 33, 37, 58, 69, 117, 160, илл. № 1–4, 6–7, 9—19, 26–34.

[114] См. об этом подробнее: *Подосинов А. В.* Крымский полуостров в античной и средневековой западноевропейской картографии // Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001. С. 304–312.

[115] *Чекин Л. С.* Картография. С. 120–121, илл. № 36; ср. также илл. № 38, 39, 41, 42, 44, 55, 56, 57, 58, 64.

показывают Крымского полуострова[116] (см. илл. 7 и 18). Северное Причерноморье, как и на античных картах, представлено здесь практически прямой линией. На первой карте присутствует и Меотида, но связь ее с Черным морем показана через три реки, параллельно друг другу текущие из Меотиды в Понт, т. е. Азовское море показано не как часть Черного, а как отдельный бассейн. На второй карте «Меотийские болота» представлены как река, впадающая наряду с несколькими другими реками с севера в Черное море. Вполне возможно, что в основе средневековых *mappae mundi* лежали позднеримские карты мира, восходящие к Агрипповой традиции.

В арабской картографии также нередки случаи, когда Крым не показан как полуостров (ср. карту мира ал—Идриси на илл. 19), а Азовское море является отдельным от Черного моря бассейном (см. карту ал—Хорезми на илл. 13 и Главу II).

Начиная с XIV в., в Западной Европе развивается особая отрасль картографической продукции – *карты—портоланы*, представлявшие собой графические аналоги портоланов—лоций, существовавших в виде письменного текста.[117] От первого периода развития портоланов (до 1500 г.) до нас дошло более 180 карт и атласов.[118] Призванные служить практическим нуждам мореплавания, эти карты дают необыкновенно реалистическое изображение береговой линии Средиземного, Черного и Азовского морей со всеми их бухтами, мысами и полуостровами. Сплошной просмотр карт—портоланов с самых ранних (начало XIV в.) по XV в. показывает, что Азовское море, Крымский полуостров и Керченский пролив появляются на картах этого типа сразу, присутствуют везде и изображены весьма реалистично[119] (см. илл. 20).

Такова же конфигурация суши и моря в Северном Причерноморье и на *картах Птолемея,* которые известны нам в греческих списках XIII–XIV вв., а в Западной Европе стали воспроизводиться начиная с XV в.[120] (см. илл. 21).

Соединение двух ветвей картографии – практической традиции западноевропейских портоланов и птолемеевой традиции греческой теоретической картографии – привело к тому, что к XV в. Азовское море, Крым и Керченский пролив, соединяющий два моря, заняли свое прочное место в картографических изображениях Восточной Европы.

---

[116] Там же. Илл. № 55 и 58.

[117] О портоланах см. подробнее: The History of Cartography. Vol. I. P. 371–456.

[118] См.: *Kupčik l.* Münchner Portolankarten: «Kunstmann I–Xlll» und zehn weitere Portolankarten. München; Berlin, 2000. S. 9—10.

[119] Из ранних портоланов ср., например, портоланы Джиованни да Кариквано начала XIV в., Пьетро Весконте 1311 г., Паулина Миноритыы 1320 г., Марино Санудо 1321 г., Анджелино де Далорто 1325 г., Опицина де Канистрис 1336 г. и многих других, см.: *Kamal Youssouf.* Monumenta. T. IV, fasc. 1. 1936. P. 1138, 1140, 1160, 1169, 1172, 1174; fasc. 2. 1937. P. 1197, 1205, 1216; fasc. 3. 1938. P. 1331, 1333, 1334, 1350, 1368 et al; fasc. 4. 1939. P. 1396, 1417, 1457, 1463 et al; T. V, fasc. 1. 1951. P. 1491, 1493–1496, 1498, 1503, 1506–1508, 1513 et al. См. также: *Димитров Б.* България в средновековната морска картография XIV–XVII век. София, 1984. Passim; *Kupcik I.* Munchner Portolankarten. Passim.

[120] См. карты Птолемея в: *Kamal Youssouf.* Monumenta. T. 2. 1928. P. 132, 148; ср. также: The History of Cartography. Vol. I. P. 266–274.

ОЧЕРК 4
Волга в геокартографии античности и Средневековья

Значение Волги как крупнейшей транспортной артерии Восточной Европы, сложные перипетии ее истории как реки, соединявшей многие этнические массивы на протяжении нескольких последних тысячелетий и служившей инструментом торгового и культурного обмена и взаимодействия, заслуживают большого внимания со стороны историков, археологов, лингвистов.[121] Удаленность Волги от письменных великих цивилизаций Древнего Востока и классической античной культуры на протяжении многих веков обрекала ее на почти полное выпадение из кругозора народов, имевших возможность фиксировать свои знания в письменности. Поэтому во многих случаях мы обладаем лишь косвенными – лингвистическими или археологическими – данными, позволяющими судить о значении волжского торгового пути в древней истории Восточной Европы. В настоящем очерке я позволю себе, привлекая письменные, картографические, археологические и лингвистические свидетельства, а также исследования последних лет,[122] поделиться некоторыми наблюдениями и соображениями об истории названий Волги в древневосточных и античных, а также раннесредневековых источниках.

Как известно, самым первым надежным источником, зафиксировавшим довольно точно расположение Волги и давшим ее название, является «Географическое руководство» греческого географа, астронома и математика середины II в. н. э. Клавдия Птолемея. Вот что он пишет о Волге (Geogr. V, 8, 12–13):

> 12. С востока [Азиатская Сарматия граничит начинающейся] отсюда частью Гирканского моря, в которой… [находится] устье реки Ра… 87°30' – 48°50', и Скифией, [простирающейся] вдоль реки Ра до поворота, находящегося под 85° – 54°, и вдоль [идущего] отсюда меридиана до неизвестной земли. 13. Есть еще другой поворот реки Ра, приближающийся к повороту реки Танаиса, положение которого таково: 74° – 56°. Выше этого [поворота] сливаются две реки, текущие от Гиперборейских гор; слияние их имеет такое положение: 79° – 58°30', истоки более западной из них лежат под 70° – 61°, а восточной – 90° – 61°.[123]

Итак, Птолемей дает название реки – *Ра* (#Р#), описывает ее течение и впадение с севера в Каспийское (Гирканское) море, упоминает левый приток Волги (очевидно, Каму), считая его восточным руслом самой Волги, существующим наряду с западным руслом, отмечает близость русел Дона (Танаиса) и Волги в их среднем течении.[124] Сообщение Птоле-

---

[121] См. обобщающий труд по истории Волжского пути: *Дубов И. В.* Великий Волжский путь. Л., 1989, а также материалы конференций: Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 8—10 сентября 1998 г. Казань, 1999; Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань, 2001.

[122] Я имею в виду, в частности, книгу И. В. Пьянкова «Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ» (М., 1997), где разбираются античные географические представления о северо—востоке ойкумены; перевод с немецкого книги Готтфрида Шрамма «Реки Северного Причерноморья: Историко—филологическое исследование их названий в ранних веках» (М., 1998), в которой известный германский историк и филолог прослеживает судьбу названий восточноевропейских рек в античности и раннем Средневековье в связи с этническими миграциями и историческими событиями этих веков, а также книгу В. Я. Петрухина и Д. С. Раевского «Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье» (М., 1998).

[123] Греческий текст и русский перевод см.: SC. T. I. C. 238.

[124] Ср.: *Ammian Marc.* XXII, 8, 28: «huic [sc. Tanai] Ra vicinus est amnis».

мея, который аккумулировал в своей «Географии» сведения многих предшествующих авторов, информацию карт, дорожников, следует рассматривать как позднюю фиксацию данных, известных задолго до него, а значит, можно считать, что как минимум уже в начале нашей эры название и направление течения Волги—Ра были знакомы античному миру. Позже это название было воспринято ранней арабской картографией и географией (IX в.), которая во многом строилась на Птолемеевом наследии (см., например, реку Ра у ал—Хваризми[125]).

Исходя из зафиксированного Птолемеем названия Волги (*Ра*), представляется возможным с помощью исторической ретроспекции обнаружить и более ранние свидетельства знакомства с этой рекой в античности.

Результатом такого ретроспективного взгляда является обнаружение названия и описания Волги в той огласовке корня *ра-*, в которой он встречается в источнике, написанном за семь веков до Птолемея, а именно, в сочинении Геродота (V в. до н. э.) – отца европейской исторической науки. В своем знаменитом «Скифском логосе» Геродот повествует о походе персидского царя Дария против скифов. Перейдя вслед за отступавшими скифами через Танаис (Дон) и пройдя на восток или северо—восток через земли савроматов до страны будинов, за которой лежала пустыня протяженностью в семь дней пути, Дарий расположил свое войско у реки под названием *Оар* (#Οαρος) (см.: *Herod.,* IV, 122–124). Вне зависимости от того, как расценивать достоверность Геродотова сообщения о столь дальнем походе Дария, а также от того, что, по Геродоту, Оар впадает не в Каспийское море, а в Азовское, большинство ученых не сомневается в том, что греческий историк зафиксировал тут скифское название Волги.[126]

Прежде всего об этом говорит географическое расположение описываемых Геродотом народов. Савроматы во времена Геродота жили в междуречьи Дона и Волги, их памятники археологически прослеживаются вдоль правобережья Волги до Саратова, а на северо—востоке – до Челябинска.[127] Выше же савроматов по реке Оар располагаются будины, о которых историк пишет, что это «племя большое и многочисленное; все они светлоглазые и рыжие» и что «вся их страна густо поросла разнообразными лесами» (*Herod.,* IV, 108–109; ср. IV, 21–22). Это дало право многим исследователям помещать будинов на Средней Волге вплоть до Перми и даже за Волгой, у склонов Южного и Среднего Урала, и видеть в них древних финно—угров.[128] Английский исследователь античного Северного Причерноморья Э. Х. Миннз даже считал, что главный город будинов Гелон следует искать на перекрестке торговых путей недалеко от слияния Камы и Волги.[129] В любом случае будины локализуются в лесной зоне Восточной Европы. Городецкая и ананьинская археологические культуры, занимавшие бассейн Оки и Средней Волги, а также более северные поволжские районы, признаются современными исследователями как принадлежавшие финно—угорским народам, в частности, предкам современной мордвы.[130]

В этой связи трудно согласиться с Г. Шраммом, который отрицает возможность отождествления Геродотова Оара с Волгой. Соглашаясь, что *Оар* – это название реки, текущей восточнее Дона, а «информация о будинах больше всего подходила бы к одному из народов

---

[125] См.: *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 8—10, 53–54, 89 и Главу II настоящего издания.

[126] См. *A. Hermann* in: RE. 17. 1937. Sp. 1680: «Danach kann es sich nur um die Wolga handeln»; обзор точек зрения см.: *Доваур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 148–149; 377–379.

[127] См.: *Смирнов К. Ф.* Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 194 и сл.

[128] См. обзор точек зрения по проблеме будинов: *Доватур А. И. и др.* Народы. С. 352–362.

[129] *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 104 sqq.

[130] См., например: *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки. С. 110–111.

Среднего Поволжья»,[131] Шрам, тем не менее, считает, что, поскольку Дарий не мог зайти так далеко на северо—восток Европы в своем походе против скифов, а сама река, по Геродоту, впадает не в Каспийское, а в Азовское море, «из списка потенциальных названий Волги *Oaros* надо вычеркнуть».[132] В качестве подходящей реки Шрамм называет Днепр, одно из древних названий которого он восстанавливает как **Var-*, а #Οαρος рассматривает как точную передачу исконного названия.[133] При этом историк считает, что сам Геродот не догадывался, что названием *Oap* передает скифское имя именно Днепра.

Отдавая должное лингвистической стройности в соотнесении Геродотова имени *Oap* с более поздним гидронимом *Bap*, должен все же заметить, что и эта локализация далеко небезупречна. Во—первых, Днепр, как и Волга, не впадает в Азовское море, так что этот аргумент против Оара—Волги можно спокойно опустить (если не обратить его против самого Шрамма). Во—вторых, трудно себе представить, что Геродот, из всех северочерноморских городов посетивший, вероятно, только Ольвию – город, расположенный в днепровско—бугском лимане, не знал, что название *Oap* принадлежит тому же Борисфену—Днепру, на берегу которого он находился и который так подробно описывал (см. его описание выше в конце Очерка 1). В—третьих, как объяснить, что Геродот, посвятивший большую часть своего труда именно скифскому походу Дария, ради этого прибывший на далекую окраину античного мира, в Ольвию, так и не смог здесь узнать, что как раз до этого места дошел Дарий, а неподалеку на Днепре стоят развалины восьми больших крепостей, построенных Дарием у реки Оар и сохранившихся до времени Геродота (IV, 124)? Наконец, сам Шрамм в другом месте противоречиво отмечает, что, описывая маршрут от Танаиса через земли савроматов и будинов вверх по Волге, Геродот «располагал подробными сведениями о караванном пути» вдоль Волги к Уралу, но при этом будто бы сам ничего не знал об этой реке.[134] Думается, что все эти соображения не позволяют нам принять название *Oap* за имя Днепра и побуждают видеть в нем наименование Волги.

Возвращаясь к названию Волги в античный период, следует признать, что район Волги для греческих и римских авторов на протяжении почти всей античности и раннего Средневековья оставался практически *terra incognita*. Так далеко на северо—восток Европы сами греческие купцы едва ли доходили, а сведения, которыми они располагали, они получали от посредников – скифо—сарматских племен, с которыми у них были тесные отношения в районе Северного Причерноморья и которые населяли низовья Волги вплоть до ее среднего течения.

Кроме того, на протяжении почти всей античности Волги как бы и не существовало еще и потому, что уже рано в античной геокартографии возобладала чисто умозрительная теория, согласно которой Каспийское море – это залив Северного океана (ее придерживались такие крупные географы, как Эратосфен, Посидоний, Страбон). Волга, таким образом, оказывалась проливом, соединяющим океан с Каспийским морем. Этот пролив мог рассматриваться как короткий (и тогда он не воспринимался как река) или как длинный (и тогда его ассоциация с какой—то рекой могла иметь место[135]). Но сам факт, что на месте реки, впадающей в Каспий, предполагался пролив, несомненно, препятствовал поискам и идентификации реки и ее названия. Недаром, вероятно, непосредственные описания Волги мы находим

---

[131] *Шрамм Г.* Реки. С. 73.

[132] Там же. С. 75.

[133] Там же. С. 65–66, 75.

[134] Там же. С. 80.

[135] Например, римский географ середины I в. н. э. Помпоний Мела указывает, что Каспийское море соединяется с Северным океаном «узким и длинным проливом» (*ut angusto ita longo freto*) «наподобие реки» (*quasi fluvius*) (*Mela*, III, 38; ср.: *Plin*. NH, VI, 37: *inrumpit autem artis faucibus et in longitudinem spatiosis*); Страбон говорит о «довольно узком» проливе (XI, 6, 1: #καν#ς στενός).

лишь у двух античных авторов – Геродота (I, 202 и 203) и Птолемея (VII, 5, 9), т. е. как раз у тех, кто явно придерживался представления о Каспии как замкнутом бассейне.[136]

В поисках упоминаний Волги в античных источниках мы не можем пройти и мимо названия реки *Аракс*, в котором, возможно, звучит тот же корень *ра-*. Относительно локализации этой реки в античности существовал значительный разнобой мнений.[137] Кроме обычной ее локализации в Закавказье, где до сих пор есть река с таким названием, а также отождествления ее с Амударьей, некоторые источники помещают Аракс явно на севере (или северо—востоке) от Каспия и показывают его впадающим в это море. Так, тот же Геродот, говоря о миграции скифов из Азии в Северное Причерноморье, пишет, что «скифы—кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войны массагетами (закаспийским ираноязычным народом. – *А. П.*), ушли, перейдя реку Аракс, в Киммерийскую землю (т. е. в Северное Причерноморье. – *А. П.*)» (IV, 11). В другом месте (I, 201–202), описывая дельту Аракса, впадающего в Каспий сорока устьями, Геродот «заселяет» ее людьми, которые «питаются сырой рыбой и пользуются шкурами тюленей как одеждой»; этот текст (особенно упоминание тюленей) приводит некоторых исследователей к заключению, что здесь описана именно дельта Волги, где только и водились тюлени.[138] Так же, как и Геродот, от Аракса начинает продвижение скифов на запад до Фракии и греческий автор I в. н. э. Диодор Сицилийский (II, 43).

Интересно, что Аристотель воспринимал Танаис (т. е. Дон), впадающий в Меотийское озеро (т. е. Азовское море), как рукав Аракса, от которого отделяется Дон (Meteor. I, 13, 15–16). Поскольку же Аристотель помещал истоки Аракса на горе Парнасс в Центральной Азии, то можно сделать вывод, что и Стагирит представлял себе Каспийское море как замкнутый бассейн, тем более, что у него есть несколько смутных упоминаний о больших озерах среди Кавказских гор.[139]

В связи с такой локализацией Аракса ученые уже давно предположили, что в названии Аракса, рукавом которого воспринимался Дон, действительно близко подходящий к Волге в районе современного ВолгоДонского канала, живет знакомое нам по Геродоту и Птолемею название Волги, фонетически близкое к Геродотову *Оару* и Птолемееву *Ра*.[140] Очевидно, Волгу имел в виду и Диодор Сицилийский (IV, 56, 3), когда без упоминания названия реки рассказывал о том, как Ясон с аргонавтами при возвращении из Колхиды плыли сначала вверх по Танаису—Дону, а затем перетащили свои корабли волоком в какую—то другую реку; поскольку среди своих источников Диодор называет Тимея, жившего ок. 300 г. до н. э., следует, соответственно, удревнить и данную информацию.[141]

Кроме приведенных фактов, можно указать еще на упоминание Волги в качестве *Рос* (#Р#ς) в одном греческом географическом трактате III или IV в. н. э., авторство которого

---

[136] И. В. Пьянков, правда, считает, что уже в картографической традиции, идущей от Гиппарха через Посидония и Агриппу к Птолемею, Каспий изображался замкнутым бассейном с впадающей в него с севера крупной рекой (*Пьянков И. В.* Средняя Азия. С. 170–171, 177; ср. то же о Скилаке – с. 17, Ктесии, Эвдоксе, Клитархе и Курции – с. 27). Надо отметить, что, хотя это мнение зиждется на очень гипотетических источниковых основаниях, весьма вероятно, что сведения о великой реке, впадающей с севера в Каспий, все же проникали к грекам, хотя и в неясной форме, с весьма древних времен.

[137] Подробнее обзор точек зрения см.: *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 114–126; см. также: *Пьянков И. В.* Средняя Азия. С. 184–186.

[138] См. подробнее: *Доватур А. И. и др.* Народы. С. 185.

[139] См.: *Aristot.* Meteor. I, 13, 18 и 29; II, 1, 10; ср.: *Пьянков И. В.* Средняя Азия. С. 199–204 (сведения Аристотеля о Танаисе как рукаве Аракса возводятся к Гекатею Абдерскому, Фр. 13; ср. также: *Avien*. 29–32 о Танаисе, который, «будучи разорван сначала водой Аракса», впадает затем в Меотиду).

[140] См. историографию проблемы: *Куклина И. В.* Этногеография. С. 119; *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки. С. 79; *Пьянков И. В.* Средняя Азия. С. 284.

[141] Подробнее см.: *Шрамм Г.* Реки. С. 80–81.

приписывается Агафемеру.[142] Возможно, сюда же относится имя одного из скифских вождей у Валерия Флакка *Rhadalus* (VI, 69), которое И. В. Пьянков читает как *Rhadanus* и сближает с Птолемеевым #Р#, древнеиранским *Raha—danu* и авестийским *Raŋha* (*Рангха*).[143]

Упомянув древнеиранские параллели, мы подходим к еще более древней экстраполяции названия Волги, сохраненного для нас Птолемеем в виде *Ра*.

Весьма вероятно, что самое древнее свидетельство о Волге и ее названии содержится в древнеиранской «Авесте» – памятнике зороастризма, создание которого относят к разным датам. Самой распространенной и почти общепринятой датировкой является конец II – первая половина I тыс. до н. э.,[144] хотя письменная фиксация произошла значительно позже. Внутри этого памятника существуют разновременные слои и произведения; авторство некоторых «Гат» из сборника «Ясна» приписывают самому Заратустре (жил, вероятно, в первые столетия I тыс. до н. э., возможно в VII в.,[145] хотя некоторые иранисты удревняют дату его жизни до 1200 г. до н. э.[146]). В «Видевдате» и «Яштах», которые были созданы, вероятно, в VI–IV вв. до н. э., а некоторые части которых восходят к доахеменидскому периоду (XI–VI вв. до н. э.),[147] и упоминается некая река под названием *Raŋha* (*Рангха, Ранха*), в которой многие иранисты – историки и лингвисты – считают возможным видеть именно Волгу.

Вот несколько примеров упоминания Ранхи в «Авесте».

В «Видевдате», которая по праву называется «Географической поэмой», так как в ней дана география Хванираты – центрального, населенного людьми каршвара, в первом фрагарде рассказывается, как Ахура—Мазда сотворил 16 «лучших стран и мест обитаний». Злой Анхра—Манью в ответ создает свои творения, исполненные бед и зла. В качестве последней, шестнадцатой, страны упоминается «страна у истоков Ранхи, которая управляется без правителей», ей «в противовес состряпал Анхра—Манью многопагубный зиму, дэвовское творение» (I, 19).[148] Следует отметить, что зима, которую создал Анхра—Манью для страны у истоков реки Ранхи, указывает на северное расположение истоков этой реки. Во всех шестнадцати творениях Ахура—Мазды и Анхра—Манью зима выступает, кроме нашего случая, еще только раз при творении Арианам—Вайджи с рекой Вахви—Датией (I, 2) – области, которая связывается с северной прародиной иранцев (река отождествляется с Амударьей или Араксом).

Следующие упоминания реки Ранхи находятся в «Яштах» – гимнах, посвященных отдельным богам иранского пантеона. Так, в «Яште» 5, XVI, 63 Паурва, герой древнеиранского эпоса, переживший в своих путешествиях множество приключений, молится богине Ардви—Суре, которая сама воспринималась как божественный исток Амударьи, Ранхи и других мировых рек, чтобы «живым достичь земли, Ахурой данной, воды широкой Ранхи и дома своего».[149] В «Яште» 5, XX, 81 этой же богине приносит в жертву сто жеребцов, тысячу коров и мириад овец тур Йойшта, сын Фрияны, выходец из скифского племени саков, и про-

---

[142] Geographi Graeci minores. Vol. II / Ed. C. Muller. Paris, 1861. P. 502. 6; лингвистический анализ этого гидронима см.: *Шрамм Г.* Реки. С. 76.

[143] *Пьянков И. В.* Средняя Азия. С. 55 и 284.

[144] См.: *Бонгард—Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2–е изд. М., 1983. С. 167.

[145] См., например: *Дьяконов И. М.* Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса) // История Иранского государства и культуры. К 2500–летию Иранского государства. М., 1971. С. 142.

[146] См. обзор точек зрения в: *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи / Пер. с англ. 3–е изд., полностью переработанное. СПб., 1994. С. 12.

[147] См. подробнее о составе и особенностях «Авесты»: *Брагинский И. С.* Авеста // Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1997. С. 22–66; подробнее о хронологии частей «Авесты» см.: Там же. С. 44.

[148] Авеста в русских переводах. С. 73.

[149] Там же. С. 185.

исходит это «на острове в стремнине реки широкой Ранхи».[150] В «Яште» 10, посвященном богу Митре, рассказывается, что обманщик будет наказан Митрой в любом месте на земле: на востоке, на западе, в истоке Ранхи, или посреди земли (10, XXVII, 104).[151] Поскольку предполагается, что середина земли (сам Иран) находится на благоприятном юге, можно предположить, что Ранха указывает здесь на северную часть земли. И, наконец, в «Яште» 14, XI, 29 упоминается рыба, живущая в водах широкой и глубокой реки Ранхи.[152]

В пехлевийских источниках название этой реки звучит как *Рах, Араг, Аренг* и др., при этом исследователи предполагают связь этого названия именно с Волгой, которая воспринималась в зороастрийской мифологии как мировая река, протекающая «на краю света».[153] Интересно, что и в гимнах древнеиндийской «Ригведы» упоминается некая северная река *Rasā,* которую отождествляют с авестийской *Raŋhα*.[154]

Если говорить об этимологии древнеиранского названия Волги, то лингвисты считают вполне закономерным выведение греческого #P# и авестийского *Raŋhα* из авестийского же *ravan*– ‘река’, при этом «очевидно, – v– было передано греками через дигамму, которая впоследствии, как известно, исчезла – признак большой древности заимствования в греческий».[155]

Таким образом, можно говорить о скифском (т. е. иранском) происхождении древнейшего названия Волги, зафиксированного в «Авесте», у Геродота и у Птолемея. Это название *Ранха* или *Ра.*

Тот факт, что именно иранские племена дали Волге ее первое название, хорошо согласуется с этногеографической и археологической историей ранних иранцев и расселением их северных ответвлений – скифо—сакских и сарматских племен, кочевавших между Алтаем и Северным Причерноморьем. Их путь в любом случае проходил через Нижнюю Волгу, ее величина и значение должны были отложиться в их памяти на долгие века, и именно от скифов должны были узнать ее имя греки.[156]

А теперь я напомню интереснейшее обстоятельство. Как известно, в языке финно—угорских народов Среднего Поволжья сохранилось до сих пор это же название Волги. Так, в эрзя—мордовском языке оно звучит как *Rav(o)*, в мокша—мордовском – как *Rava*, в определенной форме – *Ravs*.[157] Г. Шрамм полагает, что это древнее заимствование из североиранского, проще говоря, – из языка скифов и сарматов, доминировавших в нижневолжских степях, в язык древних финно—угров, живших в области Средней Волги, в лесостепи и в зоне смешанных лесов.[158] Уже заимствованием из финно—угорского видит Шрамм племенное название *робаски* (‘Ροβασκοί) у Птолемея (IV, 14; ср.: *Orosius,* I, 2, 2: *Rhobasci*); это племя Птолемей размещает вдоль берегов Восточной Ра (т. е. Камы); этноним мог означать «обитатели Волги».[159] Любопытно, что в перечне народов, входивших в состав державы

---

[150] Там же. С. 188.

[151] Там же. С. 298.

[152] Там же. С. 347.

[153] Там же. С. 456–457.

[154] См., например: *Пьянков И. В.* К вопросу о маршруте Кира II на массагетов // ВДИ. 1964. 3. С. 120; сам автор придерживается точки зрения, что здесь имеется в виду Амударья.

[155] *Шрамм Г.* Реки. С. 75.

[156] Известно, что те же скифы дали название также реке Дон: греческое название Дона *Танаис* восходит к иранскому (авестийскому) *Danu* (см.: *Gershevitch I.* The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge, 1959. P. 189).

[157] *Шрамм Г.* Реки. С. 75–76.

[158] Там же. С. 76, 79–82. Напротив, заимствованием из финнского в греческий считал В. В. Бартольд Птолемеево название *Ра* (см.: *Бартольд В. В.* Арабские известия о русах // *Он же.* Сочинения. Т. II (1). М., 1963. С. 814). Сходную позицию см.: *Kiessling M.* Ra // RE. 2. Reihe, 1. Hlbd. 1914. Sp. 1–8.

[159] *Шрамм Г.* Реки. С. 76.

готского царя Германариха (ок. 370 г.), Иордан (Get. XXIII, 116) в VI в. упоминает после названий несомненно финно—угорских народов мери, мордвы и мещеры этнонимы *Rogas Tadzans*, которые некоторыми лингвистами восстанавливаются как одно имя **Rauastadjans* со значением «обитатели берегов Волги»,[160] что может являться переводом финно—угорского *робаски*. Этот факт свидетельствует, что и в IV в. н. э. поволжские финно—угры сохраняли перенятое у южных иранцев название *Ρα,* или *Ραβα*.

Лингвистика и археология подтверждают, что контакты между скифским и финно—угорским мирами по Волге были достаточно интенсивными уже в очень древние времена. Пушнина, доставляемая из северных лесов и из Сибири, а также золото и другие металлы, добывавшиеся с древнейших времен на Урале, весьма благоприятствовали развитию торговых коммуникаций по Волге. Языковое влияние на финно—угорские языки со стороны древнеиранского хорошо прослежено лингвистами, в том числе и в торговой лексике (например, слова, означающие «золото», «выдра», «пчела», «рог», числительное «сто», некоторые обозначения транспортных средств, военного снаряжения, инструментов и т. д. были заимствованы в финно—угорских языках из иранского).[161] Не лишним будет отметить, что сами названия некоторых финно—угорских народов Среднего Поволжья – мордвы, мари (летописной мери), муромы, удмуртов – восходят, как считают лингвисты, к древним иранским заимствованиям.[162]

Абашевская культура бронзы, распространенная на Средней Волге и Каме, уже во второй половине II тыс. до н. э. заметно выделяется среди окружающих ее охотничьих культур,[163] что позволяет предположить возможность торгового обмена с южноволжскими соседями. Исследователи также отмечают, что «в ряде ананьинских могильников, расположенных по течению Волги между местами впадения в нее Камы и Ветлуги, часто попадаются скифские предметы VII–VI вв. до н. э.».[164] Товары из Ольвии, судя по археологическим данным, попадали по Волге в Прикамье и на Урал.[165] Южное влияние заметно и в пьяноборской археологической культуре в сарматское время (после 200 г. до н. э.).[166]

Примечательно, что и сам Геродот из всей континентальной Восточной Европы дает описание пути на север только вдоль Волги (не называя ее). При этом он ссылается на некоторых эллинов и на скифов, которые ведут там торговлю: «до них добирается и кое—кто из скифов, у которых нетрудно разузнать, а также у эллинов, как из гавани Борисфена (Ольвии. – *А. П.*), так и из других понтийских гаваней. А скифы, которые к ним прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков, на семи языках» (*Herod.* IV, 24). На мой взгляд, такая избирательность Геродота свидетельствует о том большом значении, которое уже в середине V в. до н. э. имела волжская речная артерия, связывавшая Причерноморье с континентальными глубинными регионами.[167]

Возможно, именно Волга имелась в виду Диодором, когда он описывал следующим образом возвратный путь аргонавтов (IV, 56, 3): «Они проплыли вверх по Танаису до его

---

[160] См.: *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch—topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903. S. 378–379, Anm. 4; *Шрамм Г.* Реки. С. 77; ср. о неоднозначности «финно—угорских» этнонимов в перечне Иордана: *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки. С. 135–136.

[161] Подробнее см.: *Шрамм Г.* Реки. С. 81–82.

[162] См.: *Попов А. И.* Названия народов СССР. Л., 1973. С. 102 и сл.; *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки. С. 321–324.

[163] *Петрухин В. Я.*, *Раевский Д. С.* Очерки. С. 79.

[164] Там же. С. 111; см. также о скифо—сарматском влиянии на культуру мордвы: *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952 (МИА. 28). С. 55–61.

[165] *Граков Б. Н.* Чи мала Ольвія торговельни зносини з Поволжьям і Пріуральям в архаічну і класічну епоху? // Археологія. Т. 1. Киев, 1947. С. 23–38.

[166] *Шрамм Г.* Реки. С. 79.

[167] Ср. также: *Шрамм Г.* Реки. С. 80, 82–87.

истоков, в определенном месте они протащили корабль волоком и, проплыв по другой реке, впадающей в океан, спустились к (Северному. – *А. П.*) морю».[168]

В раннесредневековых латинских источниках (например, в «Космографии» Равеннского Анонима или на Певтингеровой карте) имя Волги в каком—либо звучании не встречается, ибо здесь повторяются по большей части старые античные схемы, в которых Каспий выступает как залив Северного океана.

В то же время у византийских авторов, начиная с VI в., а позже (с X в.) в арабских и западноевропейских источниках, Волга уже выступает под новым именем *Итил (Аттила* – #Αττίλα*, Атил* – #Ατηλ*, Ател* – #Ατελ*, Этел* – #Ετ#λ*, Эдил* – Edil*, Исил* и др.). Это новое имя отражает глубокие этнические изменения, произошедшие в Северном Причерноморье и на Нижней Волге в период Великого переселения народов, а именно вторжение сюда масс тюркоязычного населения из Азии, которым и принадлежало название *Итил* (возможно, это были гунны, пришедшие в низовья Волги в конце III в.).[169] Это название сохранилось до сих пор в чувашском *AD#l,* в казанско—татарском *Idil,* башкирском *Idĭl,* монгольском *Id#il,* калмыцком *Id#l*.[170]

Ко времени гуннского нашествия можно, кажется, относить и первое проникновение в район Средней Волги южных кочевников – оногуров. Позже, уже в VII в., в том же районе появились теснимые хазарами болгары/булгары, образовавшие в IX–X вв. государство Волжско—Камская Булгария, а вскоре все Среднее и Нижнее Поволжье оказалось под властью хазар, получавших дань с подвластных волжских народов, поэтому тюркское название Волги закрепилось на всем этом протяжении. Даже Кама со своим притоком рекой Белой стала именоваться *Белым* или *Малым Итилом* (см. казанско—татарский *Ak Idil* и чувашский *Sur ADəl*) в отличие от *Черного* или *Большого Итила* (казанско—татарский *Qara* или *Ulu Idil*) – собственно Волги.[171] Характерно, что один из важнейших городов Хазарии на Нижней Волге назывался ее именем – *Итил*; это была столица каганата и зимовище кагана, откуда он правил подвластными народами. С VI–VII вв. налаживаются торговые связи с Согдом, Хорезмом и Ираном (Закавказьем), а также Византией, которые становятся возможными благодаря Волжскому торговому пути через Волжскую Булгарию и Хазарию.[172]

И, наконец, русское название реки *Волга* появляется в самых первых письменных источниках восточного славянства. В географическом введении к «Повести временных лет» упоминаются с запада на восток реки Дунай, Днестр, Днепр, Десна, Припять, Двина, Волхов и последней в этом перечне названа «Волъга, яже идеть на востокъ, в часть Симову».[173] Название *Волга* этимологи выводят и из славянских языков (**Vъlga* – «волгкий, волглый» «влажный», ср. чешский гидроним *Vlha* и польский *Wilga*), и из балтских, и из финно—угорских.[174] Ясно только, что его распространение на Волгу началось с севера, с Верхней Волги, в отличие от двух предшествующих – иранского *Ра* и тюркского *Итил*, отразивших

---

[168] См. об этом месте Диодора выше в Очерке 2. Г. Шрамм твердо убежден, что речь здесь идет о Волге (см.: *Шрамм Г.* Реки. С. 80: «Этот рассказ Диодора является первым, еще без упоминания названия, свидетельством того, что Волга вошла в географический кругозор греков»).

[169] См.: Там же. С. 77. В. В. Бартольд (Арабские известия. С. 815) считает, что река получила название *Итил* не позже IV в. н. э.; об арабских источниках, в которых запечатлелось имя *Итил,* см.: *Заходер Б.* ***И***. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I–II. М., 1962–1967.

[170] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2–е изд. Т. I. М., 1986. С. 337.

[171] *Шрамм Г.* Реки. С. 77–78.

[172] *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки. С. 326.

[173] Повесть временных лет. 2–е изд., исправл. и дополн. СПб., 1996. С. 7. Ср. также несколько ниже (с. 9): «Ис того же л#са [Оковськаго] потече Волга на въсток, и вътечеть семьюдесят жерелъ в море Хвалисьское [Каспийское]. Т#м же и из Руси можеть ити по Волз# в Болгары и въ Хвалисы [Хорезм], и на въсток доити въ жребий Симовъ…».

[174] *Фасмер М.* Этимологический словарь. Т. I. С. 336–337.

оживленные торговые коммуникации финно—угорских народов Среднего Поволжья с нижневолжскими степняками – иранцами и тюрками – и тюркские миграции на север.

Очевидно, такие же связи были установлены между русами и народами Среднего и Нижнего Поволжья. Арабский автор X в. Ибн Хаукал так писал о торговле хазар и о северных мехах: «Большая часть этих мехов, даже лучшие из них, добываются в стране русов…, и они продавали их (меха) в Болгаре, пока не разорили его в 358 г. (= 968/969 г. н. э.). Часть этих товаров доходила до Хорезма… Таким образом, не прекращался приток товаров русов к городу Хазарану (Итилу)».[175] Ибн Хордадбех рассказывал о торговле русов мехами до Багдада и далее до Китая.[176]

В скандинавских источниках встречается название восточно—европейской реки Олкога (*Olkoga*), в котором исследователи видят имя Волги (иногда Волхова).[177] На Эбсторфской карте, выполненной в XIII в. в Нижней Саксонии, в Восточной Европе указана река, надпись к которой гласит: «*Olchis fl(uvius) qui et Wolkans*» («река Олхис, называемая также Волканс»).[178] И хотя представления картографа о Восточной Европе были весьма путанны (так, он заставляет эту реку впадать в Северный океан, а на ней размещает города Новгород и Киев: Novgardus *c*[*ivitas*], *Kiwen c*[*ivitas*]), есть основания видеть здесь контаминацию знаний о двух реках Восточной Европы – Волхове и Волге, которые были важным участком Великого Волжского пути (см. илл. 7). В этих западно– и североевропейских упоминаниях Волги позволительно усматривать участие скандинавов – варягов—руси – в торговых и военных контактах восточных славян с поволжскими народами.

О знакомстве славян с Волгой первоначально в ее верхнем течении говорит и упоминание Волги в ПВЛ не после Дона, который вообще не упомянут, поскольку там господствовали тюркские степняки, и не после хотя бы Днепра, а после северных рек Двины и Волхова, истоки которых находятся недалеко от Верхней Волги. Да и ремарка летописца, что Волга «течет на восток», выдает, вероятно, знание Волги лишь в ее верхнем течении до великой излучины, после которой она течет на юг. С другой стороны, указание, что она течет в «часть Симову», т. е. в Азию и по ней из Руси можно попасть «в Болгары и въ Хвалисы (Хорезм)», несомненно, связано с представлением о Волге как о начале пути через Каспий в страны Азии и Кавказа.[179]

В письме хазарского кагана Иосифа (60–е гг. X в.) сообщается: «Я охраняю устье реки [Итил] и не пускаю русов, приходящих на кораблях, приходить морем, чтобы идти на измаильтян… Я веду с ними войну. Если бы я их оставил (в покое) на один час, они уничтожили бы всю страну измаильтян до Багдада…».[180] Иосиф имел в виду, очевидно, пиратские набеги русов, спускавшихся по Волге или из Черного моря через Дон и Нижнюю Волгу на побережья Каспийского моря, населенные мусульманами, которые действительно имели место в X в..[181] По иронии судьбы буквально через несколько лет после составления этого письма (в 965–968 гг.) русский князь Святослав разгромил Хазарию и разрушил ее столицу

---

[175] Текст см.: *Бартольд В. В.* Арабские известия. С. 848–849; ср.: *Заходер Б. Н.* Каспийский свод. Т. I. С. 168.

[176] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод. Т. II. С. 84–85.

[177] Встречается в древнеисландской «Книге Хаука» (*Hauksbyk*) второй половины XIV в. (подробнее см.: *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 154–156).

[178] См.: *Miller K.* Mappae mundi: Die дltesten Weltkarten. Bd. V. Die Ebstorfkarte. Stuttgart, 1896; *Чекин Л. С.* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. Илл. 48 и 51.

[179] См. подробнее: *Мельникова Е. А. «*Этнографическое введение» Повести временных лет: Пространственная ориентация и принципы землеописания // Живая старина. 4(8). 1995. С. 45–48.

[180] Текст и перевод см.: *Коковцов П. К.* Еврейско—хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 100–102.

[181] Об одном из них, произошедшем между 909 и 914 гг. и окончившемся полным избиением русов на обратном пути хазарами, буртасами и булгарами, сохранились свидетельства арабских источников, в частности, ал—Мас'уди (см. текст: *Бартольд В. В.* Арабские известия. С. 829–831; ср. также: *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки. С. 281).

Итил, совершив путь через Оку и Среднее Поволжье.[182] Разгром Хазарии и ее вассалов (в том числе Булгарии) не привел к политическому закреплению Руси на берегах Средней и Нижней Волги, но в 985 г. между Волжской Булгарией и Древней Русью (в лице князя Владимира) был заключен мирный договор, который стал основой развития прочных торговых и культурных связей между Русью и Средним Поволжьем.

Думается, что краткий обзор истории волжской гидронимии, данный в настоящем разделе, будет небесполезным для понимания роли Волги как важнейшей торговой магистрали Восточной Европы, на протяжении тысячелетий способствовавшей интеграционным процессам различных этносов и государств в этом регионе.

* * *

Теперь я хотел бы проследить, как и когда появляется Волга в европейской античной и средневековой картографии, какие следы она оставила и оставила ли вообще на древних картах, а также в геокартографических представлениях европейцев о Восточной Европе в период до Великих географических открытий. Заняться этой темой становится возможным после опубликования в последние годы нескольких фундаментальных трудов по истории картографии.[183]

Говоря об античной картографии, надо отдавать себе отчет в том, что до нас практически не дошло никаких аутентичных античных памятников, которые могли бы свидетельствовать о том, как выглядели карты.[184] Кроме небольшого фрагмента карты из Дура—Европос середины III в. н. э., нарисованной на кожаной обшивке щита и представляющей участок западного и северного побережья Черного моря,[185] источником по античной картографии могут служить для нас Певтингерова карта (список XII–XIII вв., но восходящая к первым векам нашей эры[186]), а также карты Птолемея, которые сохранились лишь в поздних копиях начиная с XII в., но описаны в произведении самого Птолемея.

Об изображении Волги у Птолемея речь уже шла выше. Сведения Птолемея о реке Ра—Волге оказались практически утраченными для последующей картографии, которая на греческой почве как будто не имела какого—либо отчетливого развития,[187] а в латинской культуре продолжала придерживаться доптолемеева представления о Каспии как заливе Северного океана.

Таким образом, римская геокартография, как кажется, никогда не воспользовалась достижениями Птолемея и наследовавшая ей западноевропейская средневековая картография традиционно вплоть до картографической «революции» Возрождения не замечала большой реки, впадающей с севера в Каспийское море.[188] Впервые Европа узнала о том, что Кас-

---

[182] «Иде [Святославъ] на Оку р#ку и на Волгу… Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганом… Одол# Святославъ козаромъ и градъ ихъ (и) Б#лу Вежю взя. И ясы поб#ди и касогы» (Повесть временных лет. С. 31; ср. о том же событии известие Ибн Хаукала: *Бартольд В. В.* Арабские известия. С. 850).

[183] Я имею в виду книги: The History of Cartography / Ed. by J. B. Harley and D. Woodward. Chicago and London. Vol. I–II. 1987–1998; *Чекин Л. С.* Картография.

[184] См. подробнее: *Подосинов А. В.* Античная картография (факты и проблемы) // Вопросы истории. 1998. 8. С. 61–70.

[185] См. о ней: *Подосинов А. В.* Черное море в картографической традиции античности и раннего средневековья // ДГ, 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 237–252.

[186] *Подосинов А. В.* Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). 2–е изд., испр. М., 1994. С. 63–80.

[187] См.: The History of Cartography. I. P. 258, 279. Византийская литература, в отличие от западноевропейской, уже с VI в. знала о Волге под именем Атил (Аттила, Ател, Этел), что было вызвано оживленными политическими и экономическими контактами с восточноевропейскими народами (см., например: *Чичуров И. С.* Экскурс Феофана о протоболгарах // ДГ, 1975 г. М., 1976. С. 65–80).

[188] Арабская геокартография, напротив, с самого своего зарождения в IX в., благодаря оживленным торговым связям

пийское море – не залив Северного океана от Вильгельма де Рубрука, путешествовавшего в эти края в 1253–1256 гг. и назвавшего реку Этилию (Волгу).[189]

Карта Юлия Гонория, Певтингерова карта, картографическая основа «Космографии» Равеннского Анонима (Cosm. II, 8—11), картина мира Иордана (Get. 30), Эбсторфская карта, Херефордская и другие средневековые карты повторяют представления о Каспии как заливе Северного океана, игнорируя существование Волги и не называя ее имени (Ра).

Почти единственное, что осталось от этого района – это *робаски*, которые, очевидно, через посредство Оросия попали на некоторые западноевропейские средневековые карты. Рассмотрим их расположение на картах и географическое окружение.

Так, на карте из рукописи XII в. (London, BL, Add. 10049, f. 64),[190] содержавшей сочинения св. Иеронима, первыми в Северном Причерноморье начиная с востока названы [*R*]*obasci Scite* (робаски—скифы) (см. илл. 22). Следующее название – река *Cliteron fl*[*uvius*], а затем следует *Fasis fl*[*uvius*], потом гипербореи и аримаспы. Фасис (совр. Риони) впадает, как ему и положено, в Черное море, а робаски, река Клитерон и гипербореи с аримаспами находятся на северо—востоке от Фасиса, при этом река Клитерон не впадает в Черное море. Не могло ли соседство робасков и не впадающей в Черное море реки в Северном Причерноморье свидетельствовать о Волге, которая могла подразумеваться под Клитероном? Думается, что при неясности географической ситуации в Восточной Европе это возможно, даже если принять во внимание, что Клитерон, начинаясь на Крайнем Севере рядом с робасками, течет далее на запад мимо Боспора, Александровых алтарей, гелонов и, по—видимому, впадает в Танаис (ср., однако, восприятие Нижнего Дона как рукава Волги[191]).

Несколько выше на этой же карте (т. е. восточнее при ее восточной ориентации) мы видим и Каспийское море, представленное как залив Северного океана. Интересно, что с западной стороны в море впадают две реки. Одна, расположенная южнее (правее), несет название Аракс и, по всей видимости, идентична современному Араксу, другая, впадающая с северо—запада в самый пролив, соединяющий Каспийское море с океаном, называется «Ахеронт, адская река» (*Acheron fluvius infernalis*). Истоки этой реки показаны на горах, расположенных на Крайнем Севере с надписью рядом с ними – «Наиверхняя Скифия» (*Scitia Suprema*). Все географическое окружение Ахеронта и впадение ее в устье Каспия наводят на мысль, что под Ахеронтом также может скрываться Волга.

В рамках одной карты я указал на возможность идентификации с Волгой двух рек (Клитерон и Ахеронт), что может показаться нелогичным и избыточным. Но, во—первых, всякий, кто занимался средневековыми картами, знает, сколь много нелогичностей и этнотопонимических дублетов встречается в их легендах.[192] Во—вторых, название реки Клитерон, как считается, восходит к гидрониму *Gesclithron*, упомянутому Плинием Старшим (VII, 10) и Солином (15, 20). Это имя объясняется из греческого словосочетания γ#ς κλε#θρον, кото-

---

по Волжскому торговому пути (достаточно вспомнить посольство багдадского халифа в Волжскую Булгарию в 921–922 гг., описанное его секретарем Ибн Фадланом), и используя наследие Птолемея, никогда не теряла Волгу из виду, называя ее то Ра, то Атилом, локализуя на ней Волжскую Булгарию, хазар и другие реальные народы раннего Средневековья (подробнее о Волге в арабской картографии см.: *Коновалова И. Г.* Восточные источники // ДР. С. 191–193, 213–215).

[189] *Rubr*. XIV, XVI, XX: «Начинается Этилия из Великой Булгарии, лежащей к северу, направляется к югу и впадает в некое озеро, или в некое море, которое ныне называется море Сиркан… А Исидор называет его Каспийским морем… Море это можно обогнуть в 4 месяца, и неправильно говорит Исидор, что это залив, выходящий из океана, ибо он нигде не прикасается к океану, но отовсюду окружен землей»; ср.: *Матузова В. И.* Английские средневековые источники. IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 196–197, 201, 210, 215.

[190] См. ее публикацию в: *Чекин Л. С.* Картография. С. 123–125, илл. № 39.

[191] Особенно часто это представление встречается в арабской картографии (*Коновалова И. Г.* Восточные источники. С. 192). Подробнее об этом см. ниже в Главе II.

[192] См., например о дублетах в названиях народов на Певтингеровой карте: *Подосинов А. В.* Певтингерова карта. С. 73–75.

рое означает «запор земли», т. е. дверь в подземный мир.[193] Таким образом, река Клитерон, как и Ахеронт, оказывается связанной с подземным миром, к ней приложимы те же характеристики, и поэтому под двумя названиями вполне могла выступать одна река.

Робаски упоминаются на Эбсторфской карте XIII в. (см. илл. 7), где на самом севере около изображения трех столпов с пламенеющим огнем стоит надпись «*are Alexandri Magni in finibus Robascorum*…» («алтари Александра Великого в пределах робасков…»).[194]

Также и на Херефордской карте ок. 1290 г. присутствуют робаски и опять в непосредственной близости от реки Ахеронт (см. илл. 16). Легенды на карте располагаются следующим образом: «Каспийское море. Река Ахеронт. Считается, что это река ада, так как она кипит, впадая в море. Течет от Тенистых гор и, как говорят, тут вход в геенну. Здесь я нашел зверей, похожих на Минотавра, пригодных для войны. У албанов голубые зрачки, и они лучше видят ночью. Савроматы—скифы. Робаски—скифы (*Robasci Sithe*). Массагеты. Эвнохи—скифы. Аримаспы. Враждуют с грифами за жемчуг. У грифов головы и крылья, как у орла, а тело, как у льва. Могут пронести быка по воздуху. Река Клитерон. Гипербореи…».[195]

Л. С. Чекин в своем комментарии к Эбсторфской и Херефордской картам высказал мнение, что робаски здесь – «народ у берегов Танаиса (т. е. Дона. – *А. П.*)»,[196] но, судя по их расположению среди савроматов, массагетов, аримаспов, грифов и гиперборeев, это скорее северо—восток Европы с его Рипейскими (Уральскими) горами. Если учесть их локализацию у Камы (Восточный Ра) Птолемеем, то можно предположить, что река Ахеронт здесь, впадающая в Каспийское море, является субститутом Волги, вытекавшей с севера, с Рифейских гор, где жили полумифические геродотовы племена, протекавшей через владения робасков и впадавшей с севера в Каспийское море.

Отметим и здесь наличие в непосредственной близости друг от друга рек Ахеронт и Клитерон.

Загадочная река Ахеронт, которая, по мифологическим представлениям древних, протекала в подземном царстве Аида, впервые появляется в реальном географическом пространстве около Каспия еще в «Космографии» Этика[197] (VIII в. н. э.). Она встречается и на так называемой «Карте Генриха Майнцского» (конец XII – начало XIII в.),[198] где изображена, правда, восточнее Каспийского моря (см. илл. 6), и на Эбсторфской карте, на которой Ахеронт впадает, как и на Иеронимовой карте (см. о ней выше), с запада в самое устье Каспийского моря[199] (см. илл. 7). Здесь также рассказывается, что это «адская река» (*fluvius infernalis*) и что «она, впадая в море, кипит» (*fervens mare ingreditur*), хотя на полях карты и дается пространный экскурс, основанный на Этике, о том, что Ахеронт у Каспийского моря на самом севере впадает в Океан (*Acharon fluvius recipitur ab occeano*).[200]

Таким образом, хотя общая картина Восточной Европы с Каспием как заливом Северного океана и не предполагала изображения Волги, все же Волга присутствует, хотя и неявно, в допущении существования какой—то большой реки (рек) в Восточной Европе, кроме Танаиса. Можно поэтому предположить, что и река *Olchis fl*(*uvius*) *qui et Wolkans* Эбсторфской карты несет в себе контаминированную информацию о двух реках Восточной Европы,

---

[193] *Miller C.* Mappae mundi: Die ältesten Weltkarten. Ht. 3. Stuttgart, 1895. S. 5–6; *Чекин Л. С.* Картография. С. 199.

[194] *Чекин Л. С.* Картография. С. 143, 149 и илл. 51.

[195] Там же. С. 154, 156, илл. 57.

[196] Там же. С. 216.

[197] *Aeth.* Cosm. 155, 4.

[198] *Чекин Л. С.* Картография. С. 128–129, илл. 49.

[199] Там же. С. 141, 148, илл. 49.

[200] Там же. С. 140, 147–148.

по которым шли торговые пути через Восточную Европу,[201] – о Волхове, на котором расположен Новгород, упомянутый на карте при этой реке, и о Волге, чье название лингвистически более точно соответствует имени *Wolkans*. Такое же предположение можно сделать и относительно названия восточноевропейской реки *Olkoga* (Волга или Волхов?) в древнескандинавских источниках,[202] которое может свидетельствовать о том, что именно со скандинавами, активно осваивавшими торговые пути по Волге, пришли в Западную Европу сведения о величайшей реке Восточной Европы, остававшейся до тех пор никому не известной.

[201] Там же. С. 213.

[202] См. подробнее: *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 154–157 и Главу III настоящего издания.

Глава II
Реки Восточной Европы по данным арабо—персидской географической литературы (Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова)

Часть I
Т. М. Калинина
Водные пути сообщения Восточной Европы в представлениях арабо—персидских авторов IX–X вв

ОЧЕРК 1
Водная связь между Севером и Югом Восточной Европы

В 30–40–х гг. VII в. пространства от Африки до Азии, принадлежавшие ранее Византии и Сасанидскому Ирану, завоевали арабы. Арабский флот, построенный при халифе Му‘авии I (ок. 605–680), вышел на просторы Средиземного моря, Гибралтара и Атлантики. В 711–714 гг. арабские войска завоевали южные области Пиренейского полуострова, а войны с Византией стали неотъемлемой частью политики Арабского халифата на протяжении нескольких столетий. В начале VIII в. арабы завоевали Закавказье, к 715 г. ими были захвачены земли Средней Азии. В течение всего VIII в. арабские правители были заняты усмирением населения захваченных территорий и борьбой за власть, что в конечном счете привело к падению правящей династии Омейядов и воцарению Аббасидских халифов. Именно при Аббасидах возникла арабская астрономия, география, история как летопись побед и поражений. Развитие наук определялось возросшей потребностью фискального аппарата, торговцев, военных и прочих государственных чиновников в информации обо всех территориях, занятых Халифатом, о соседних и отдаленных областях.

О Европе и окрестных территориях, о населявших эти земли народах ученые Арабского халифата получали сведения от торговцев, мореплавателей, путешественников. О народе *сакалиба* (в большинстве случаев имеются в виду славяне) и их областях арабы узнали от побывавших в византийском плену арабов Харуна ибн Йахьи и Муслима ал—Джарми, которые оставили заметки о Византии, славянах, аварах, болгарах и других европейских народах. Книги эти не сохранились, но информацию из них пересказывали другие арабские и персидские писатели. Данные о народах и областях Европы арабы получали и от самих европейцев, служивших в арабских войсках и населявших гарнизоны в пограничных городах. Русы стали известны после их походов в Прикаспийские области, куда они проникли по речным путям Восточной Европы. С хазарами арабы встретились, покорив Иран и выйдя в Закавказье.

При дворе Аббасидских халифов шла интенсивная работа по освоению культурного наследия народов, переводились книги античных, сирийских, византийских, иранских, индийских ученых. Из этих трудов арабы также узнавали о народах Европы. При описании Земли и ее водных пространств арабские ученые упоминали крупные восточноевропейские реки. Но поскольку эти географы не бывали на территории Восточной Европы (за редким исключением), то опирались они главным образом на книжные данные.

Особенность арабо—персидской литературы (многие ученые, по происхождению персы, писали по—арабски) заключается в том, что все авторы обязательно опирались в своих рассказах на предшественников. Использовать их сведения было и необходимо, и почетно, но ссылаться на них, по представлениям восточных писателей, было не обязательно. В тех случаях, когда первоисточник был назван, сообщения его могли быть искажены или переделаны. В большинстве же случаев оригиналы не сохранились, поэтому материалы арабо—персидских писателей зачастую относятся не ко времени жизни и работы сочинителя, а восходят к гораздо более ранней эпохе или к совсем иному, чем у арабов, кругу источников.

В соответствии с определенной античной традицией (см. о ней в главе I), Европа представлялась арабским географам похожей на остров. Он был ограничен рекой Танаис, соединявшейся с озером Меотис (в арабской передаче – *Майутис* или *Майтас*, иногда с искаженной диакритикой – *Манитас* или *Маниташ*) и морем Понт (в арабском варианте – *Бунтус*, с искаженной диакритикой – *Нитас* или *Ниташ*). Понт соединялся водной цепью со Средиземным морем, последнее – с Атлантикой, вплоть до ее северной части, которая воплощала собой Северный Ледовитый океан. Ал—Баттани писал: «Земля делится на три части. Первая – от Зеленого моря со стороны севера и пролива (Босфора. – *Т. К.*), который выходит из Понта в Великое море (Средиземное. – *Т. К.*), и [областей], что [лежат] между озером Меотис и Понтом. Описывают границы этой области: с запада и севера – Западное море, оно же Океан (Атлантика от Эфиопии до Британии. – *Т. К.*), со стороны юга – море Египта и Рума (Средиземное. – *Т. К.*), со стороны востока – Танаис и озеро Меотис. Эта земля похожа на остров, название ее – Европа».[203] Такие воззрения свойственны ученым IX–X вв. Ибн Русте, ал—Мас‘уди, очевидны из географического раздела «Всеобщей истории» Агапия Манбиджского и других сочинений. Западным морем (*бахр ал—Магриб*) назывались воды западной оконечности «населенной части» Земли, омывающие северное и западное побережья известного мира. В IX в. астроном Мухаммад ибн Касир ал—Фергани, в описании семи широтных зон («климатов»), западной границей называл именно Западное море.[204] Это описание семи климатов повторили многие более поздние ученые (Ибн Русте, ал—Мукаддаси, ал—Марвази, ал—Казвини и др.). Представление о Западном море как северо—западной границе Европы стало традиционным.

По традиции, тоже восходящей к античности, все моря, за исключением Каспия, рассматривались большинством арабских ученых ответвлениями единого Окружающего океана (*’Укийанус*), который омывал Землю.

«Книга картины Земли» математика, астронома и географа Мухаммада ибн Мусы ал—Хорезми (первая треть IX в.) содержала координатные данные для описания береговой линии морей, течений рек, очертаний гор, местонахождений городов или «центров» стран. В основу труда ал—Хорезми было положено «Географическое руководство» Клавдия Птолемея, ученого II в. н. э., хотя его координатные данные были иными. Названия земель, далеких от Халифата, были приведены те же, что и в сочинении Птолемея, хотя и в очень искаженном виде, в то время как известные восточному ученому местности и города были переданы в привычных арабам вариантах.[205]

---

[203] Al—Battani sive Albatenii Opus Astronomicum. Mediolani, 1899. Pt. 1. P. 27; *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература // *Крачковский И. Ю.* Избр. соч. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 99; *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 145.

[204] Muhammedis Filii Ketiri Ferganensis qui vulgo *Al—Fraganus* dicitur, Elementa Astronomica, arabice et latine. Amstelodami, 1669. S. 130; *Розенфельд Б. А., Добровольский И. Г., Сергеева Н. Д.* Об астрономических трактатах ал—Фергани // Историко—астрономические исследования. М., 1972. Вып. XI. С. 198; *Калинина Т. М.* Сведения. С. 129–130.

[205] Das Kitab Surat al—ard des Abu Ğa far Munammed ibn Musa al—Huwarizmi / H. v. Mħik. Leipzig, 1926 (далее – *al—Huwarizmi); Мухаммад ибн Муса ал—Хорезми.* Избр. произведения. Ташкент, 1983 (на узб. яз.); *Калинина Т. М.* Сведения. С. 11—107.

Очертания Восточной Европы в труде ал—Хорезми имели вид, в основном аналогичный материалам книги Птолемея. Однако были и весьма существенные отличия. Омывающие север Европы воды у Птолемея назывались Сарматским океаном; ал—Хорезми именовал их Северным Внешним морем.[206] На юге Восточной Европы ал—Хорезми называл координатные данные для Черного и Азовского морей, однако эти материалы во многом отличаются от данных Птолемея. Ал—Хорезми не оперировал хорошо известными арабам античными наименованиями Черного и Азовского морей – Понт и Меотис. Сведения о Черном море по большей части не совпадали с представлениями античных авторов о Понте Эвксинском. В сочинении ал—Хорезми раздел, посвященный береговой линии одного из крупнейших водных массивов, называется: «море *Танджа,* море *Мартаба,* море *Ифрикийи,* море *Барки,* море *Мисра и аш—Шама,* море *Барики и Лазики.* Часть каждого из них соединяется с частью другого».[207] Эти названия соответствовали прибрежным территориям: Танжера в Марокко, Мавритании (?) или какой—то области в Северной Африке, Ифрикийе в Тунисе, Барки – плато в Киренаике, Египта и Сирии. Очевидно, что здесь подразумеваются Гибралтарский пролив и Средиземное море. Последним в этой цепи значилось море *Барики и Лазики.* Издатель и исследователь текста ал—Хорезми Х. Мжик предположил, что наименование *Барика* (у Мжика – *Барка)* являлось искажением птолемеевского топонима *Фракия,* а *Лазика* – птолемеевской *Ликии*.[208] В таком случае наименование этой части моря относилось бы, по данным ал—Хорезми, к Эгейскому морю. Однако координатные данные не показывают очертаний береговой линии этого моря, зато есть указания на береговую линию Черного моря: от Константинополя, мимо Истра к городам, соответствующим птолемеевским Ольвии, Евпатории, Феодосии, Ойнантее, Диоскурии (Севастополису Колхидскому), «где разбивается гора Кавказ».[209] Эта часть моря, по данным ал—Хорезми, принимала реки, аналогичные тем, что впадают в Понт Эвксинский по сведениям Птолемея: Аксиак и Данубий (т. е. Дунай) с его сильно разветвленным устьем. Топоним *Барика* встречается в трудах Сухраба, Ибн Хордадбеха и Кудамы ибн Джа‘фара в отношении некоей местности на Кавказе, исследователями не определенной. Наименование *Лазика* встречается у целого ряда арабских географов X в. и относится к царству лазов – Эгриси на восточном побережье Черного моря,[210] хотя и является архаичным, взятым, возможно, из сасанидских источников, однако он был хорошо известен и арабам. Не исключено, что изначально формы *Барика* и *Лазика* и произошли, действительно, от искаженных античных названий Фракии и Ликии, но были переосмыслены арабскими учеными, начиная с ал—Хорезми, на основе их собственных представлений о берегах Черного моря. Итак, судя по очертаниям береговой линии, ал—Хорезми передавал сведения о Черном море, в основном совпадавшие с материалами Птолемея, хотя очертания Черного моря были искажены, по сравнению с птолемеевскими, на 10 градусов (как, впрочем, и Средиземного моря).

Самым разительным отличием сведений ал—Хорезми о Черном море как от материалов Птолемея, так и от действительности, является отделение Черного моря от Азовского: по данным ал—Хорезми, эти два моря являются отдельными, не соединенными друг с другом бассейнами. Меотис назван *ал—Батихой,* т. е. «озером». Это озеро представлено в книге ал—Хорезми отдельным водным бассейном, не связанным с Черным морем. Керченский пролив показан как замкнутый на севере рукав. Это не соединенное с Понтом озеро, отсто-

---

[206] Калинина Т. М. Сведения. С.46, 86; Mħik H. Osteuropa nach der arabischen Bearbeitung des Γεωγραφική ύφήγεσις des Kl. Ptolemaios von Muhammad ibn Musa al—Huwarizmi // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1936. Bd. 43, H. 3–4. S. 174.

[207] *al—Huwarizmi.* S. 72; *Калинина Т. М.* Сведения. С. 46.

[208] *Mžik H.* Osteuropa. a. 165.

[209] *Калинина Т. М.* Сведения. С 46.

[210] *Тер—Гевондян А. Н.* Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. С. 98.

явшее гораздо далее, чем Меотис Птолемея, на север, оказывается связанным двумя широкими водными потоками с Северным Внешним морем. У Птолемея нет данных о соединении Меотиса с Сарматским океаном. По его данным, реки Лик и Порит начинаются с гор Бодин и впадают в Меотис. Имеются также данные о реках Турунт и Хесин, которые начинаются в горах Рипеи и впадают в Сарматский океан. На реконструируемой, по данным координат, карте ал—Хорезми эти четыре реки Птолемея сливаются в два почти параллельных потока, соединяющих *ал—Батиху* и Северное Внешнее море.[211] Эти сведения отражены на сохранившейся в рукописи ал—Хорезми карте *ал—Батихи* (см. илл. 13[212]).

Возможно, на подобные воззрения арабского автора, занимавшегося теоретическими изысканиями, оказала влияние информация о начавшейся в IX в. активной торговле между севером и югом Восточной Европы, что находит подтверждение в данных нумизматики. Клады восточных монет, относящиеся к концу VIII–IX в., были найдены в скандинавских странах, в Польше, Германии, на севере Руси, на юге – в восточнославянских областях и в Хазарии. С образованием Древнерусского государства торговля интенсифицировалась, активно действовали пути от Прибалтики в Восточную Европу, Волжский путь и пути по Дону через переволоки на Волгу и Каспий.[213]

Однако не исключено, что изменение данных Птолемея могло произойти под влиянием античной и, возможно, византийской картографий, где существовали подобные представления (см. Глава I, Очерк 2).

В некоторых случаях на античных и средневековых латинских картах роль водного потока, соединяющего южные и северные моря Восточной Европы, играла река Танаис (см. Часть I, Очерк 2).

Однако ал—Хорезми реку Танаис изобразил почти так же, как Птолемей. Назвав реку *Танис* (или, поскольку огласовки не указаны, *Танаис*, хотя в этом случае, строго говоря, должен был бы стоять *алиф* после *нун*), ал—Хорезми, как и Птолемей, указал исток реки в некоем «источнике» (*айн*), ее поворот близ города Наварис (у ал—Хорезми искаженно – *Сурис*) и впадение в Меотиду, которая у ал—Хорезми названа *ал—Батиха*[214] (см. выше). На грубоватом изображении Меотиды, сохранившемся в рукописи труда ал—Хорезми, где имеется изображение Танаиса (см. илл. 13), эта река тоже имеет истоком небольшое озерцо, хотя у Птолемея таких данных нет. Впадает река в Меотис = *ал—Батиху*. В целом изображение соответствует данным Птолемея и не несет новой информации об этой реке.

Кроме сведений об Азовском море (*ал—Батихе*), ал—Хорезми приводит данные о некоем озере *Барастанис*. Название и координатные данные этого очень небольшого озера показывают, что ал—Хорезми взял здесь за основу сообщение Птолемея об истоках реки Борисфен (т. е. Днепра) в озере. Однако это озеро у ал—Хорезми соединено не с Понтом, как у Птолемея, а опять—таки с Северным Внешним морем, и еще принимает две реки без названия, аналогий которым у Птолемея нет. Таким образом, очевидно стремление арабского автора показать некие известные ему водные связи на северо—востоке Европы, положив, однако, в основу старые материалы Птолемея (см. илл. 14).

---

[211] *Mħik H.* Osteuropa. S. 164–165, 183, 187, 189; *Калинина.* Сведения. С. 86, 87–88, 104–105.

[212] The History of Cartography / Ed. J. B. Harley and D. Woodward. Vol. 2. Plate 5. В легенде к карте, однако, редакторами сделана ошибка: в левом верхнем углу изображено не Черное море, а Северное Внешнее, связанное с Меотидой двумя большими водными потоками.

[213] *Янин В. Л.* Денежно—весовые системы русского средневековья (домонгольский период). М., 1956. С. 71–80; *Кропоткин В. В.* Караванные пути в Восточной Европе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 226–230; *Фомин А. В.* Источниковедение кладов с куфическими монетами IX–X вв. Авто—реф. дис. … канд. ист. наук. М., 1982. С. 10–13; *Noonan Th. S.* Why Dirhams First Reached Russia: The Role of Arabic—Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1984. T. 4. P. 151–282; *Idem*. Why the Vikings First Came to Russia // Jahrbьcher fьr Geschichte Osteuropas. 1986. Bd. 34. S. 340–346.

[214] *al—Huwarizmi*. S. 156; *Калинина Т. М.* Сведения. С. 53, 103.

В книге ал—Хорезми имеется ряд координат для населенных пунктов вокруг Понта (моря *Лазики* и *Барики*). Так, на южном побережье перечислены города в следующем порядке (часть названий искажена и приводится в восстановленном виде, часть имеет современный арабскому автору облик): Константинополь, Амасея, Халкедон, Гераклея, Герма (или Терма), Зефирион, Ласкориа, Комана Понтийская, Анкира, Зела, Анкон (или Темискюра), Полемонион, Керасус, далее назван пункт на восточном побережье моря – Диоскурия, она же Себастополис Колхидский. Указаны также города западного и северного побережья: Истрос, Борисфен (Ольвия), Евпатория, далее автор почему—то приводит координаты и название Синопы, города на южном побережье Понта, за ним снова переходит на северное побережье, назвав Феодосию. Также даны координаты для городов на побережье *ал—Батихи* (Меотиса), соответствующие материалам Птолемея и имеющие искаженные названия в книге ал—Хорезми: Гермонасса, Ойнантея, Танаис, Наварис, Эксополис, Тирамба.[215] В перечне городов по климатам отсутствуют названия таких крупных центров черноморской торговли, как Трапезунд, Херсонес Таврический. Однако последний все же назван среди «центров» в соответствующей главе; а задействованными в торговле IX в. городами были как минимум: Константинополь, Амасея, Халкедон, Гераклея, Комана Понтийская, Анкира, Диоскурия, Истрос, Синопа, Феодосия, Гермонасса, Танаис. Часть бывших античных городов в IX в. имела уже совсем другие имена, как, например, Феодосия – Кафа, Гермонасса – Матраха или Таматарха, что никак не отразилось в материалах ал—Хорезми.

Возможно, непоследовательность перечисления причерноморских прибрежных городов объясняется попыткой привести в систему современные автору знания о торговом пути, идущем от Константинополя, по прибрежным городам Понта до Синопы, далее кратчайшим путем по морю к Херсонесу и портам на побережье Северного Причерноморья, а далее до Приазовья,[216] с теоретическими материалами из труда Птолемея, лежавшими в основе «Книги картины Земли» ал—Хорезми. Это тем более вероятно, что, например, иранские и среднеазиатские населенные пункты совпадают с хорошо известными арабам торговыми маршрутами в этих областях. Так, ал—Хорезми перечислял области и города южного побережья Каспия и Средней Азии: Дейлем, Казвин, Демавенд, Шалус (порт на Каспии), Руйан, Амуль, Сари; область Кумис, города Тамис, Астрабад, Гурган, Нишапур, Тус, Серахс, Мерв, Мерверруд, Амуйе (Амуль) на Амударье, Бухару, Балх, Самарканд, область Усрушану (город Хаджанда?), Ахсикет, Тарбенд, Исфиджаб, Тараз; указаны также Хорезм (город Кят?), некий пункт Хазар, расположенный, по координатам, несколько восточнее Хорезма, Невакет. Далее климаты уходят далеко на восток – указаны Тибет, Китай, Гог и Магог *(Йаджудж и Маджудж)*.[217] Заметны и здесь пропуски названий некоторых крупных торговых центров, однако остальные являются вполне действующими городами во времена ал—Хорезми, хотя часть из них (как, например, Бухара, Самарканд и др.) были очень древними и существовали не только во времена Птолемея, но и ранее. То же касается земель Закавказья: упомянуты в пятом климате – Азербайджан, в шестом – Андзевацик, Картли, Сюник, Нашава (так арабы именовали Нахичевань), некий пункт между «двух ворот» (т. е. между Дербентом и Дарьялом), Барда‘а, Кабала.[218] Через эти территории и города проходили издавна известные международные торговые пути.[219]

---

[215] *Mħik H.* Osteuropa. **a**. 168–170; *Калинина Т. М.* Сведения. С. 78–82.

[216] *Lewicki T* Źrodła arabskie do dziejow słowiańszczyzny. Wrocław; Krakyw, 1956. T. I. S.102–104; *Ahrweiler H.* Les relations entre les Byzantine et les Russes au IX—e siècles // Bulletin d’information et coordination. Paris, 1971. Vol. 5. P. 44–70; *Романчук А. И.* Торговля Херсонеса в VII–XII вв. // Byzantinobulgarica. Sofia, 1981. **T**. 7.

[217] *Daunicht H.* Der Osten nach der Erdkarte al—Huwarizmi’s. Bonn. 1974. T. I. S. 294.

[218] *Mħik H.* Osteuropa. **a**. 166; *Калинина Т. М.* Сведения. С. 68–73.

[219] *Манандян Я. А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954. С. 194–198.

Справедливости ради следует отметить, что координаты для упомянутых населенных пунктов в книге ал—Хорезми приведены не по порядку их местонахождения на торговом пути, а только в соответствии с таблицей координат в том или ином из семи климатов. Порядок городов редко соответствует их перечислению внутри климата, названы города и в разных климатах. Однако, выстроенные по данным в книге ал—Хорезми координатам, города и местности более или менее «ложатся» на карту торговых маршрутов, хотя и не всегда точно. Не эти сведения были для ал—Хорезми главными: для него решающее значение имели данные Птолемея о самых длинных днях, о долготах и широтах, поскольку именно такими параметрами определялось положение того или иного климата. Этим объясняется в значительной мере и сам отбор населенных пунктов, что особенно заметно, например, в перечислении городов вокруг *ал—Батихи*, т. е. Меотиса. Некоторые пункты выбраны ал—Хорезми как точка для построения береговой линии или как совпадение с устьем какой—либо реки (как, например, Диоскурия – восточная оконечность Черного моря, Борисфен – северо—западная его оконечность, Истрос – восточная; Тирамба – при впадении реки, соответствующей Псатису Птолемея, и т. д.). И тем не менее следует учитывать возможность реальной информации о торговых путях, которой мог руководствоваться ал—Хорезми; можно предполагать некие, пусть не явные, знания о них первого арабского географа и картографа (см. илл. 14).

В IX в. в арабской географии появились дорожники. В них подробно описывались торговые и почтовые связи внутри Халифата; далекие, но давно известные пути из Багдада через Среднюю Азию в Китай и Индию; а также упоминались дороги в мало известные области, такие, как Восточная Европа.

Первым сохранившимся сочинением этого жанра явилась «Книга путей и государств» Ибн Хордадбеха, начальника почтового ведомства в Табаристане, знавшего многое о почтовых и торговых дорогах, которые связывали земли Халифата с дальними странами. Сохранился неполный вариант его труда, редакция которого относится к 40–м или 80–м гг. IX в.[220] По дошедшим материалам можно судить, что автор не был связан с кругом теоретиков типа ал—Хорезми, хотя писал и о форме Земли, и о ее делении на обитаемую и непригодную для жизни части, и о семи климатах в обитаемой четверти, и о великом море, покрывающем всю необитаемую часть Земли, ссылаясь на Птолемея. Он имел ясное представление об Атлантике, называя ее морем *ал—Гарбий* (т. е. Запада), Средиземном – море *ар—Рума* (т. е. Византии) или море *аш—Шама* (т. е. Сирии), о Пропонтиде – *Бунтусе* («Понте») и о Черном море – море *ал—Хазар*. Этим названием для Черного моря он пользовался при описании византийских фем – Македонии, Фракии и других, получив сведения от бывшего византийского пленника Муслима ал—Джарми (Ибн ал—Факих и Кудама ибн Джа‘фар пользовались этими материалами книги Ибн Хордадбеха). Прочие географы именовали морем *ал—Хазар* только Каспий. Ибн Хордадбех же именовал последнее морем *Джурджана*, т. е. Гиркании – области южного побережья Каспия. Впрочем, пользуясь данными какого—то другого информатора, в одном случае Ибн Хордадбех все же назвал морем *ал—Хазар* Каспий, упомянув, что на его побережье расположен Дербент (*Баб ал—Абваб*).[221] Такая же информация содержится в географическом сочинении ал—Йа‘куби (подробнее см. ниже).

Упоминается в книге Ибн Хордадбеха и некое несудоходное море: «Что же касается моря, которое позади славян, и на нем – город Туле, то не плавают по нему ни корабли, ни лодки и не вывозят оттуда ничего, и не выходит из него никто, и также это море, в котором

[220] Kitab al—Masalik wa’l—Mamalik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu’l—Kasim ‘Obaidallah ibn ‘Abdallah Ibn Khordadhbeh… / de Goeje M. J. Lugduni Batavorum, 1889 (далее – *Ибн Хордадбех* / Де Гуе); *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. с араб., комм., исслед., указ. и карты Наили Велихановой. Баку, 1986. С. 18–29 (далее – *Ибн Хордадбех* / Велиханова).

[221] *Ибн Хордадбех* / Де Гуе. P. 178; *Ибн Хордадбех* / Велиханова. С. 135.

Острова Счастливых, не плавают по нему и не вывозят оттуда ничего, и это [море] тоже Западное (*Гарбийй*у)».[222]

Острова Счастливых – это Канарские острова в Атлантике. Представление же о крайнем обитаемом острове Туле на севере пришло к арабам из античной традиции; упоминание города Туле Ибн Хордадбехом, кажется, имеет ту же основу, поскольку описывается в целом Атлантика. (Впрочем, есть предположение, ничем, однако, не подтвержденное, что именем Туле в данном случае назван Тулон.[223]) В то же время некоторые ученые полагают, что «морем позади славян» названа Балтика.[224]

Упоминая известные ему водные массивы, Ибн Хордадбех рассказывал и о морских торговых маршрутах. Так, в его книге находится ставший хрестоматийным текст о торговых дорогах еврейских купцов *арразанийа* и торговцев—русов:

«Путь еврейских купцов *ар—разанийа*, которые говорят по—арабски, по—персидски, по—гречески, по—французски, по—испански, по—славянски, так вот, что касается их, то они путешествуют с востока на запад и с запада на восток сушей и морем. Вывозят с запада слуг, девушек и юношей, парчу, шкурки бобра,[225] пушнину, соболей, мечи. Плывут из Фиранджи (земель франков. – *Т. К.*) в Западное море, выходят в Фараме и доставляют свои товары по суше в Кулзум, а между ними 25 фарсахов. Затем плывут по Восточному (Красному. – *Т. К.*) морю из Кулзума в Джарр и Джудду. Затем отправляются в Синд, Хинд, Син. Вывозят из Сина мускус, алоэ, камфару, корицу и другие товары, из тех, что традиционны для этих краев, пока не вернутся к Кулзуму. Затем везут это к Фараме. Затем плывут в Западное море. А иногда поворачивают со своими товарами к Константинополю и продают их в Руме. Иногда идут с ними к царству франков и продают их там. А если хотят, отправляются со своими товарами от франков в Западное море и выходят в Антиохии, проходят по суше три дневных перехода до ал—Джабии, затем плывут по Евфрату к Багдаду, затем плывут по Тигру к Оболле, а от Оболлы к Оману, Синду, Хинду, Сину – все это связано друг с другом.

---

[222] *Ибн Хордадбех* / Де Гуе. P. 93; Здесь, как и далее, перевод выполнен Т. М. Калининой, с учетом перевода Н. Велихановой (*Ибн Хордадбех* / Велиханова. С. 91).

[223] *Ashtor E.* Che cosa sapevano i geografi arabi dell‘Europa occidentali // Rivista storica italiana LXXXI (1969). Torino. T. 81, fasc. 3, P. 463; *Ибн Хордадбех /* Велиханова. С. 91, 268.

[224] *Lewicki T.* Bałtik w opisach autoryw arabskich IX–X w. // Przegląd Orientalistyszczny. Wrocław, 1949. Zesz. I. S. 56.

[225] Н. Велиханова выбирает для слова *ал—хазз* значение «заяц»; я следую переводам большинства других исследователей (*Ибн Хордадбех* / Де Гуе. P. 114, 115; *Куник А. А., Розен В. Р.* Известия аль—Бекри и других арабских авторов о Руси и славянах. СПб., 1903. Ч. II. С. 129, 143; *Бартольд В. В.* Арабские известия о русах // *Бартольд В. В.* Соч. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 825; *Lewicki T.* Źrydła arabskie do dziejyw słowiańszczyzny. Wrocław; Warszawa; Krakyw, 1969. T. I. Cz. 1. S. 58. Ods. 61. Note 3).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.